

Автор благодарит за оказанную помощь

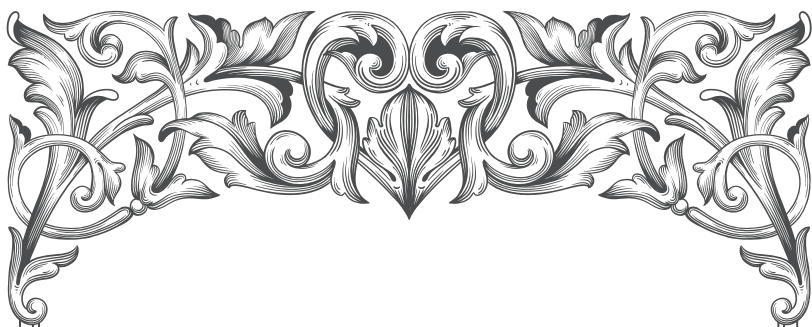
Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Анну Герасимову, Александра Гинзбурга, Ирину Гейнц, Александра Домогарова, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Дмитрия Кравченко, Александра Куцаева, Даниила Мелинца, Кирилла Назаренко, Юрия Нерсесова, Эвелину Сигалевич, Михаила Слюзберга, Артема Хачатурянца, Елену Цыганову, Игоря Шауба, Алину Шестыреву, а также Донну Анну (Lliothar) и Yaneck del Moscu.



Во время войн спартанцы носят
одежды красного цвета... Если
кто из спартанцев бывает ранен,
врагам этого незаметно, так как
сходство цветов позволяет скрыть
кровь.

ПЛУТАРХ





ТАЛИГОЙСКАЯ
БАЛЛАДА





Как просто умереть красиво,
Как нелегко красиво жить...

А. Городницкий



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«А время на циферблатах
уже истекало кровью...»¹

1

Алан Окделл с безнадежной ненавистью смотрел со стен Кабитэлы на человека, ставшего проклятием Талигойи. Франциск Оллár, бастард незначительного марагонского герцога, в полном боевом облачении сдерживал коня невдалеке от городских ворот, в то время как его герольды, изощряясь в остроумии и витиеватости, предлагали Эрнани Ракáну решить судьбу столицы и короны в рыцарском поединке.

Это было откровенным издевательством. Прозванный Бездомным Королем двадцатидевятилетний Франциск в поединке на копьях считался непобедимым, а Эрнани судьба наделила хилым телом. Даже в лучшие свои годы король не числился среди первых бойцов Талигойи, теперь же Эрнани было под пятьдесят, к тому же его суставы навсегда изувечила серая горячка. Олар не мог не знать, что Ракан передвигается и то с трудом, но благородство и великодушие для ублюдка были пустым звуком. Бездомный Король как никто другой

¹ Здесь и далее цитируется Федерико Гарсиа Лорка.

умел отыскивать у противника слабые места и бил по ним безо всякой жалости.

— Его величество Франциск Первый, — надрывались герольды, — вызывает брата своего и предшественника Эрнани и предлагает ему на выбор биться до смерти, или же до первой крови, или же турнирным оружием! Пусть мечи королей рассудят, кому властвовать над Родиной Вечности¹! Если же Эрнани из рода Раканов не желает подвергать опасности свою драгоценную жизнь, Франциск Оллар готов сразиться за честь Талигойи с любым достойным рыцарем.

Окделл с силой сжал кулаки и уставился в землю, пытаясь сдержать бессмысленный и бесполезный порыв. Талигойское рыцарство славилось отвагой, но каждому человеку отмерен свой предел. Марагонский выскочка родился с копьём в руке, его еще никто ни разу не выбил из седла. Алан украдкой глянул на Эрнани, представляя, что тот испытывает, и король ответил быстрым благодарным взглядом. Государь жил Талигойей и для Талигойи, не щадя ради нее не только себя, но и единственного наследника. Эрнани мог отправить королеву и юного Эркуюля в Агарис под покровительство его святейшества, но счел это недостойным.

Поступок короля стал примером для всех Людей Чести², герцог Окделл не был исключением — его супруга разделила судьбу мужа и отечества. Алану хотелось верить, что Женевьев не раскаивается в своем выборе, — ведь война с Франциском оказалась совсем не такой, как думалось вначале.

Когда Бездомный Король перешел границу, в Кабитэле смеялись. Какой-то ублюдок называет себя властителем Талигойи? Бред! Окделл помнил, как потешались над марагонским отродьем прошлой весной. Сейчас в столице было не до шуток. Удачливость и воинский дар самого Оллара вкупе с отвагой и наглостью приставших к нему проходимцев, возжелавших того, на что они не имели никаких прав, оказались для Людей Чести полной неожиданностью. В глубине души Алан

¹ Родина Вечности — официальный перевод слова «Талигойя».

² Дворянин, принадлежащий к одному из Великих Домов Талигойи.

Талигойская баллада

понимал, что городу не выстоять, тем паче простонародье начинало склоняться на сторону чужеземца, умело растравлявшего неприязнь крестьян и ремесленников к знати. Сегодняшний позор еще больше поднимет Франциска в глазах черни, а позора не избежать. Победить Бездомного Короля никому из рыцарей Эрнани было не под силу.

— Неужели в Кабитэле не найдется воина, не страшасящего преломить копьё со своим королем? Его величество заранее прощает будущему противнику невольное покушение на свою особу и ждет его как равного. Рыцарь вызывает рыцаря!

Кабитэла молчала. Будь это турнир, когда бьешься во имя славы и очей возлюбленной, Франциск, без сомнения, нашел бы соперника, но принять на свои плечи честь Талигойи и тут же уронить ее в пыль? Это страшной смерти!

— Его величество Франциск Талигойский в последний раз вызывает к мужеству и чести рыцарей брата своего Эрнани!

Герольд замолчал, и стало слышно, как на дворцовой крыше орут и возятся воробьи, а затем раздался звук одинокой трубы. Алан не сразу понял, что он означает, равно как и смысл последовавшего за ним шума и скрежета. Король тоже был застигнут врасплох.

— Окделл, — Эрнани изо всех сил делал вид, что выходки бастарда его не трогают, — пошлите узнать, что происходит.

Алан наклонил голову, но посылать никого не понадобилось. Ворота Полуденной башни распахнулись, пропуская всадника в синем и черном. Властитель Кэналло́а Рамиро́ Алва счел возможным принять вызов! Это было по меньшей мере удивительно: кэналлийца ни разу не видели ни на одном из турниров, он вообще не жаловал столицу и двор — возможно, потому, что среди Людей Чести Алва почитались худородными. Их принадлежность к Дому Ветров была, мягко говоря, спорной, а кровное родство с известными своим вероломством морйскими шадями¹ настораживало. Тем не менее властелин Кэналлоа откликнулся на призыв короны и явился в Кабитэлу во главе большого, отменно вооруженного отряда.

¹ Шад (*морисск.*) — вождь, правитель.

Вера Камша

Эрнани поставил кэналлийцев на защиту внешних укреплений, в очередной раз подтвердив свое умение разбираться в людях. Южане держались особняком, но воевать они умели. Окделл не мог не признать, что люди Алвы справлялись со своими обязанностями лучше большинства дружинников Людей Чести. Сам герцог, изысканный красавец со жгучими черными глазами, держался с рыцарями Эрнани не то чтобы заносчиво, просто становилось ясно: чужое мнение кэналлийца никоим образом не заботит.

В глубине души Алан допускал, что южанин понимает — роль и его окружение, хоть и вынуждены принимать помощь полукровки, своим его не считают, вот и платит талигойцам той же монетой. Какой дворянин станет искать дружбы тех, кто ставит его ниже себя? А род Алва возвысился лишь благодаря стечению обстоятельств. Когда Дом Ветров выкосила чума, Эрнани Восьмой был вынужден подтвердить права soberано Родриго, приходившегося нынешнему герцогу прапрадедом.

Великие дома Талигойи¹ традиционно роднились лишь друг с другом, но Алва, обосновавшиеся на крайнем юго-западе, веками мешали свою кровь с морисской². Пока Дом Ветров был многолюден, это никого не волновало, но судьба повалила казавшееся несокрушимым дерево. Теперь титул Повели-

¹ Согласно легенде, Золотая ана́ксия (при Эрнани Святом преобразованная в Золотую империю) была создана в результате слияния четырех царств. Потомки их правителей образовали **Великие Дома**, чьи главы носили титул повелителя соответствующей стихии (Скалы, Ветра, Волны, Молнии). После того как восторжествовал эсператизм, сакральный смысл титулов был забыт, но само понятие Великих Домов уцелело. Великие Дома возглавляют следующие фамилии: **Дом Скал** — герцоги Окделл (герб — золотой вепрь у подножия черной скалы на багряном поле); **Дом Ветров** — герцоги Алва (летающий против ветра черный ворон на синем поле); **Дом Волн** — герцоги Придд (поднятый волной коронованный золотой спрут на лиловом поле); **Дом Молний** — герцоги Эпинэ (два дерущихся жеребца, белый и черный, на алом поле, расколотом золотой молнией).

² Автор и его консультанты осведомлены как о том, что звук в вакууме не распространяется, так и о том, кого в **нашем мире** называли морисками, кому штаны-ренгравы обязаны своим именем, когда началась эпоха великих географических открытий, чем знаменита мармалюка, etc. Но где Земля, а где Кэртиана.

Талигойская баллада

теля Ветров наверняка отдали бы кому-нибудь из подлинных Людей Чести, но в прежние времена законы блюлись свято, даже слишком. Алва стали талигойскими герцогами и возглавили Великий Дом. Повелители Скал, Волн и Молний с этим смирились, однако признать смуглых черноволосых выскочек ровней не могли. Алан Окделл, понимая, что подобные чувства не украшают, с Рамиро был подчеркнуто вежлив, но относиться к нему так же, как к Шарло Эпинэ или Михаэлю фок Вáрзов, не мог. Впрочем, глухой неприязни, грозящей перерасти в ненависть, Алан к кэналлийцу тоже не испытывал. Выбирая между Эктором Приддом и Алвой, Окделл предпочел бы полукровку.

— Алан, — мягкий голос Эрнани оторвал Повелителя Скал от раздумий, — вы видели кэналлийца в деле?

— Ваше величество, — рыцарь старался говорить как можно равнодушной, — кэналлийцы не принимают участия в турнирах, но во время приступов Алва сражается достойно.

Это было правдой. Корявая башня, выступающая далеко вперед и связанная с основной крепостью узкой перемычкой, была особенно уязвима. Франциск это понимал и трижды пытался ее захватить — дважды днем и один раз ночью. Алва отбивался без посторонней помощи, чего нельзя было сказать о защитниках Нового города, где оборону возглавлял маршал Придд. Только сражаться на укреплениях — одно, а принять вызов непобедимого Оллара — другое.

Алан с тоскливым предчувствием наблюдал за двумя всадниками, казавшимися с высоты стен игрушечными. Алва превосходил Франциска в росте, но заметно уступал бастарду в ширине плеч, да и доспех южанина был много легче, а белоснежная, защищенная только черно-синей попоной лошадь кэналлийца рядом с гигантским боевым конем бастарда казалась чуть ли не бесплотной. Герцог Окделл вздохнул — Рамиро проиграет, и хорошо, если сохранит жизнь.

Поступок южанина вызывал странную смесь досады и восхищения — тот делал глупость, но делал! Если б на вызов Бездомного Короля не откликнулся никто, талигойское рыцарство было бы навеки опозорено. Рамиро принял позор на себя, при-

Вера Камша

крыв от него других. Более того, его проигрыш — проигрыш чужака, он не запятнает Людей Чести. Понимает ли он это? Кэналлийцы отличались болтливостью и горячностью, но их господин был до странности молчалив и сдержан. То, что он дал волю южному темпераменту именно теперь, по меньшей мере вызывало недоумение. Если это, конечно, был темперамент.

— Безнадежно, — махнул рукой кансильёр¹ Аригб.

— Безнадежно, — услышал Алан собственный голос. — Но он дерется, а не ждет, когда это сделает кто-то другой.

— Его проигрыш — меньшее из зол, — согласился и Придд. — Бастард победит полукровку, только и всего.

Алан с трудом подавил желание посоветовать маршалу самому преломить копье. Не хватало, чтобы Люди Чести принялись оскорблять друг друга на глазах у короля. Странная вещь, мгновение назад Окделл думал так же, как и Придд, а теперь решил после боя подойти к кэналлийцу и при всех пожать ему руку. Если Алва, разумеется, останется жив.

— Чем бы ни закончился поединок, — твердо сказал Эрнани, — герцог Алва получит Полуночную Цепь².

— Это будет справедливо, ваше величество, — согласился кансильёр. — Немногие рискнут собственной честью, чтобы спасти честь королевства. Признаться, я думал, что вызов примет герцог Придд. Он выиграл три турнира подряд...

— Тому, кто привык выигрывать, проиграть особенно нелегко, — задумчиво произнес король, и это было правдой. Эктор Придд умрет, но не пожертвует славой первого меча Талигойи. — О, бойцы заняли свои места. — Голос Эрнани дрогнул. — *Да пребудет над Алвой Слава!*

«Да пребудет над Алвой Слава...» Как же переживает Эрнани, если позабыл о том, что обращение к Четверым и всему данному ими почитается ересью и оскорблением Создателя.

— *Крылья Славы поднимут достойного*, — с вызовом подхватил Шарль Эпинэ.

¹ Одна из высших (наряду с геренцием, супремом и тессбрием) государственных должностей.

² Знак воинской доблести — серебряная цепь, украшенная сапфирами.

Талигойская баллада

— *Так и будет*¹, — наклонил голову король. Остальные промолчали, глядя на разговаривающих о чем-то всадников.

С Королевской башни открывался отличный вид на вытопанное осаждающими ржаное поле, ставшее ристалищем, но соперники были слишком далеко, чтобы слышать их разговор. К счастью, герольды Бездомного Короля не замедлили оповестить осажденных, что Франциск Оллар предложил своему противнику биться до тех пор, пока оба желают и могут продолжать бой. Бастард торжественно поклялся щадить жизнь раненого или иным образом покалеченного соперника, Рамиро Алва дал слово поступить так же. Услышав это, Эктор Придд презрительно усмехнулся, пробудив в Алане симпатию к кэналийцу. Повелитель Скал в последнее мгновение сдержал рвущуюся с языка отповедь, однако унять Шарло Эпинэ было не легче, чем разъяренных жеребцов с его герба.

— Мне показалось, маршал, или вы в самом деле улыбнулись. Чему?

— Тому, как наш полукровка бережет собственную шкуру.

— Закатные твари! Чтобы сохранить свою голову, у него был куда более надежный способ — последовать нашему примеру и остаться на стенах.

— Прекратите, господа, — хмуро бросил Эрнани, — они начинают.

2

Кэналиец нацелился в щит Оллара, но Алан заметил, что наконечник копья несколько раз слегка дернулся. Дрогнула рука? Поединок может оказаться смертельным для одного, если не для обоих. Копья боевые, это вам не турнир, когда рыцари целят тупым наконечником в шлем или щит, а судьи с умным видом оценивают их мастерство. Впрочем, на турнирах тоже калечат и убивают, здесь же любой удачный удар тем более может стать смертельным. Идет война, и главное — победить, не важно как, хотя бастард обещал щадить ранено-

¹ Ритуальная фраза, имеющая древние корни.

Вера Камша

го соперника, а слово свое он обычно держит. Опустил копьё. Мегит в ногу? Хочет обмануть, в самое последнее мгновение переменив цель? Такое не каждому под силу, но это излюбленный трюк Бездомного. Ему нравится издеваться, смерть защитника Эрнани сейчас бастарду без надобности, а вот проигрыш, причем очевидный... Позор рыцаря — позор короля.

Ага, ублюдок все-таки поднял копьё! Решил не рисоваться попусту — целит в голову... Значит, все-таки убьет.

— Кэналлийцу конец. — В голосе Придда особой печали не было.

— Замолчите, маршал! — бросил король, вцепившись в подлокотники кресла.

Всадников разделяло не больше локтя, когда конь южанина прынул чуть в сторону. Удар бастарда пропал втуне, а копьё Рамиро скользнуло по щиту противника вниз. Лошади пронесли мимо друг друга, замедлили шаг, остановились. Алва поднял копьё и уверенным движением развернул своего белого; с ним все было в полном порядке, а вот Франциск Оллар неуклюже завалился на бок и выпал из седла.

— Святой Адриан!¹ — Прозванный Иноходцем Эпинэ никогда не отличался сдержанностью, а при виде валяющегося в пыли Бездомного Короля вообще чуть в пляс не пустился.

— Полукровке повезло, — презрительно бросил Эктор Придд, — он промазал, копьё сорвалось и случайно угодило в...

— Маршал, — перебил Шарло, — кому вы хотите победы? Сдается мне, что бастарду!

Родич был прав — Придд не рискнул принять вызов, тем самым признав, что марагонец сильнее, а значит победитель бастарда становился и победителем Спруга.

— Эктор, вы ошибаетесь. — Спокойный голос графа фок Варзов остановил назревающую ссору. Граф Михаэль был немолод, но когда-то его слава гремела на всю Талигойю. — Это не случайность, а расчет, причем великолепный. Алва с самого начала собрался спешить бастарда и исполнил свой замысел отменно.

¹ Святой Адриан (в миру Чезаре Марикьяре) — воин и полководец, основатель ордена Славы.

Талигойская баллада

Эти двое владеют копьём одинаково хорошо, но кэналиец куда лучший наездник. И, позволю себе заметить, он смелее.

— Смелее? — Придд пытался быть ироничным, но его досада и злость были слишком очевидны.

— Погодите, — подался вперед король, — они еще не закончили.

Вряд ли Франциск, обещая щадить противника, думал, что заботится о собственной персоне, но вышло именно так. Рамиро Алва не забыл об обмене любезностями, по крайней мере, он не воспользовался беспомощностью соперника, хотя легко мог приставить копьё к его горлу, а соскочил с коня и остановился в паре шагов от пытающегося подняться Оллара.

— Достоинно, — одобрительно пробормотал Михаэль.

— Но неразумно, — не согласился кансилльер. — Бастард силен, как бык.

— *«Львы созданы для того, чтобы ломать спины быкам»*, — в серых глазах Эрнани мелькнула лукавинка, — по крайней мере, святой Адриан полагал именно так. А бык-то поднимается... Что ж, посмотрим...

Бездомный Король и впрямь встал и принял из рук подбежавшего оруженосца щит. Он был готов к бою.

— После такого падения у него голова должна раскалываться, — высказал надежду молодой Арсен Савиньяк.

— Голова не знаю, а вот нога... Ублюдок ранен.

— Скорее, просто ушиб.

— Не сомневаюсь, Эктор, вам бы хотелось именно этого.

— Кровь не разглядеть — далеко!

— Ушиб или рана, но хромает он сильно.

Убедившись, что соперник намерен продолжить поединок, кэналиец бросился вперед. Град быстрых ударов вынудил бастарда уйти в глухую оборону. Пару раз он попытался огрызнуться, но как-то вяло, и Алан счел, что Оллар все-таки ранен, причем серьезно. В бедро? Если так, он рискует истечь кровью.

— Сейчас Алва его «раскроет». — В Михаэле явно проснулся испытанный турнирный судья. — Я буду не я, если кэналиец станет тянуть время.

Вера Камша

— А зачем ему теперь спешить? — усомнился Ариго. — Риск, причем бессмысленный.

— Алва проворен, как кошка, и ему нравится рисковать.

— Бастард слабеет, — буркнул так и не убежденный кансильер. — Вот и ждал бы!

В ответ фок Варзов слегка развел руками. Дескать, ты бы ждал, только ты не Рамиро.

Многоопытный рыцарь оказался прав — про южан не зря говорят, что они рождаются сумасшедшими. Алан рисковать при таком раскладе не стал бы, а кэналлиеца... Вот он вроде бы промедлил, открылся, давая противнику шанс, и тут же рванулся вперед, на волосок разминувшись с отчаянным встречным ударом марагонца.

Удар по краю черно-белого щита, быстрый шаг в сторону и дальше — под левую руку охромевшего Оллара. Тот пытается развернуться вслед противнику, но раненая нога подводит, и Бездомный Король тяжело валится наземь, лишаясь последней возможности сопротивляться. Развязка была молниеносной, но Окделл успел увидеть, как кэналлиеца, оказавшись над побежденным, картинным жестом приставляет к его горлу меч.

— Разрубленный Змей! — Других слов у Эктора Придда не нашлось.

Прочие и вовсе потеряли дар речи и могли лишь смотреть, как Рамиро Алва без посторонней помощи садится на коня и, не оглядываясь на суетящихся вокруг раненого свитских, шагом возвращается к Полуденной башне. Вся схватка заняла от силы несколько минут.

— Лучше б он его добил, — пробормотал кансильер.

— Алва сражался за *честь* Талигойи. — Голос Эрнани был ледяным. — Оговоренные условия нарушать нельзя.

— Почему он согласился на эти условия? — буркнул Придд. — Следовало настоять на смертельном поединке!

— Вот вы бы и настояли! — вновь вскинулся на дыбы Эпинэ. — Полчаса назад мы загодя мирились с позором, сейчас нам мало славы — подавай убийство!

— Мы с кансильером прежде всего думаем о государстве. Если Франциск Оллар умрет, его люди разбегутся, как крысы.

Талигойская баллада

Алва держал жизнь бастарда в своих руках и отпустил его. Это весьма похоже на измену.

— Алва — Человек Чести, — оборвал маршала король. — Вы подали бы ему руку, запятнай он себя убийством?

Ответить Придд не успел. Победитель, как был в доспехах, поднялся на смотровую площадку и склонился перед сюзереном. Королевский оруженосец торопливо снял с кэналлийца шлем. Алва тяжело дышал, иссиня-черные волосы слиплись, на смуглой щеке кровоточила ссадина. Алана неприятно резанула улыбка на точеном лице — тридцатипятилетний Рамиро казался не столько услужившим своему государю рыцарем, сколько гордым совершенной каверзой мальчишкой.

— Вы отстаюли честь Талигойи, герцог. — В голосе короля звучала неподдельная теплота.

— Это было не так уж и трудно, — сверкнул зубами Повелитель Ветров.

— Честь дороже жизни. — В устах Эрнани ритуальная фраза обрела новый смысл. — Преклоните колено.

Король улыбнулся и возложил на плечи победителя сверкающую сапфирами цепь.

— Вы ее заслужили, — чопорно, словно на турнире, изрек фок Варзов.

— Более чем! Мы все в долгу перед вами.

— Благодарю моего короля и прошу разрешения вернуться на башню. — Алва больше не улыбался. — Мне кажется, следует ожидать штурма.

— Вы что-то заметили в лагере бастарда?

— Нет, в его глазах. Этот человек привык оставлять последнее слово за собой.

— Вам потребуются подкрепления?

— Нет, государь. Мы отобьемся собственными силами, но... Если мне будет позволено высказать свое мнение...

— Говорите.

— Я думаю, на этот раз Франциск нанесет удар не по внешним укреплениям, а по западной стене.

— Почему вы так решили?

— Оллар горд, — сдвинул брови южанин, — и умен. Если он набросится на Корявую, *могут* сказать, что он мстит

Вера Камша

за поражение, а западная стена уязвима. Марагонцу нужна победа, он не захочет выглядеть оскорбленным гордецом.

— Мы учтем ваше мнение, герцог. Скажите, почему вы не принимаете участие в турнирах?

— Семейная традиция. Мы не признаем турнирного оружия и не поднимаем меч на союзников. Если в Новом городе потребуется помощь, я готов привести своих людей.

— Никакого штурма не будет. Ублюдок ранен, — надменно произнес Эктор Придд, — неделя покоя нам обеспечена.

— Ранен, — согласился кэналлиец, — но не в голову. По его мнению, мы не станем ждать штурма, и именно поэтому он нападет. Лезть самому на стены ему не обязательно.

— В любом случае помощь мне не нужна.

— Однако в прошлый раз вы едва не потеряли Червленную башню, — бросил граф Михаэль. — Если б не подоспел Окделл, Бездомный Король обрел бы дом еще позавчера.

— Ничего подобного, — взвился Эктор, — я...

— Мне кажется, друзья мои, следует прислушаться к совету герцога Алва, — положил конец начинающейся сваре король. — Прошу всех вернуться к своим людям. Алан, проводите меня.

Окделл подал Эрнани руку, и тот тяжело поднялся. Серая лихорадка не убивает, но калечит, ходить без посторонней помощи перенесшие ее не могут. Эрнани и Алан медленно двинулись по специально построенному пандусу к поджидавшим короля конным носилкам. Когда их могли услышать лишь голуби и воробьи, король повернулся к спутнику.

— Если б кэналлиец не был полукровкой или хотя бы вел себя иначе, оборону возглавил бы он, а не Эктор. Алва — сын полководца и сам прирожденный полководец... Мы относимся к нашим соседям, как к варварам, а они давно нас обогнали. Покойный soberano¹ Гонзало сотворил чудо, не просто вытеснив шадов за пролив, но заключив с ними мир. Теперь я вижу, это не было удачей — Алва всем обязаны самим себе.

— Ваше величество, смените маршала!

¹ **Соберано** — титул правителей Кэналлоа.

Талигойская баллада

— Высокий Совет¹ Алву не признает, вы это знаете не хуже меня, да и не дело менять коней на переправе. Тем более что надежды нет.

— Мой государь!

— Надежды нет! Кабитэла обречена, а с ней и вся Талигойя. Бездомный Король обретет дом, а его разбойников назовут герцогами и графами. Наше время уходит, мы можем сохранить честь, но не жизнь.

— Это уже немало, ваше величество.

— Будем утешаться этим. — Король замолчал, и Алан был этому рад. Он искренне любил и уважал Эрнани Ракана, но в последнее время тот часто говорил вещи, от которых по спине бежали мурашки. Воин до мозга костей, Окделл знал — нет ничего хуже, чем признать себя побежденным еще до сражения, а талигойский монарх в поражении не сомневался.

— Ваше величество...

— Да, Алан.

— Не надо отчаиваться. Победа Алвы — знак нам всем. Мы не ожидали, что он справится с бастардом, а он справился.

— Справился, — лицо Эрнани исказила гримаса, — но это лишь подтверждает мою правоту. Алва — чужак, которого вы, друзья мои, презираете, потому что иначе вам пришлось бы презирать самих себя, а это неприятно. Чужак схватился с таким же чужаком и победил, а мы смотрели на них со стен... Так во всем. Мы мертвы, Алан, а город и страна — нет, им нужна свежая кровь. Три тысячи лет... Для династии это много; чудовищно много, даже не будь у нас обычая искать жен и мужей среди родичей. Мы — жи-

¹ Власть талигойского короля ограничивалась Высоким Советом, в который входили главы фамилий, кровно связанных с Великими Домами. Таковых в описываемое время насчитывалось двенадцать. В исключительных случаях Высокий Совет мог назначить над королем опеку и избрать из своей среды регента, но для этого требовалось присутствие на совете жен и наследников глав фамилий, и принятое решение должны были подтвердить не менее двух третей всех совершеннолетних Людей Чести.

Вера Камша

вые мертвецы, эр¹ Алан, сегодняшний поединок это доказал еще раз, но Алва мне нравится, а вам?

— Мне? — Этого вопроса Алан не ожидал. Ему кэналлиец одновременно и нравился, и не нравился. Было в этом дерзком гордце нечто безумно притягательное — но и отталкивающее тоже. — Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Алва вряд ли смог бы стать моим другом, он вообще не может быть ничьим другом. Герцог сам по себе, как сагрáнный ирбис.

— Да, он — одиночка, — согласился король, — и горд, как Леворукий², но он ли в этом виноват? Или мы? Почему народ Талигойи тяготеет к бастарду?

— Мой государь, он...

— Вы нукудышный придворный, Алан, и еще более нукудышный утешитель. Мы уже пришли, я вижу своего постельничего. Подведите меня к нему и возвращайтесь к своим северянам. Я уверен, что кэналлиец не ошибся, а Придду стены не отстоять, как бы он ни надувался.

Повелитель Скал исполнил приказ своего сюзерена, не скрывая облегчения. Драться он был готов, думать о поражении — нет; впрочем, времени на размышления мараговец осажденным не оставил.

3

Штурм начался тогда и там, где предполагал Алва, и именно поэтому едва не увенчался успехом: Эктор Придд, надо полагать — назло кэналлийцу, оставил на западной стене лишь несколько десятков лучников. Атаку бастарда маршал воспринял как личное оскорбление, но пока он призывал на голову Оллара громы и молнии да собирал резервы, на стену успели водрузить «Победителя Дракона»³. Правда, развеяться знаме-

¹ Эр (ж. род эрэа) — изначально обращение к члену Великого Дома.

² Леворукий (Враг, Чужой, Зеленоглазый, Повелитель Кошек) — эвфемизмы, означающие антагониста Создателя.

³ На гербе Франциска изображен воин, поразивший мечом дракона.

Талигойская баллада

ни бастарда выпало недолго — люди Рамиро, наплевав на беснующегося Придда, сбросили осаждающих со стены.

Когда подросел Алан со своими копейщиками, штурм уже захлебывался, большинство осадных лестниц было повалено, несколько из них южане умудрились затащить наверх, причем одну вместе с намертво вцепившимся в перекладину вражеским латником, у которого, надо думать, помутилось в голове.

В гуще боя Алан заметил Рамиро, рубившегося в том же самом легком доспехе, в котором он утром сражался с Олларом. Возле самых ног Алвы упал один из его людей, герцог перескочил через тело, одновременно принимая на косо подставленный щит удар двуручного меча, и тут же вонзил свой клинок в бедро орудовавшего двуручником здоровяка. Дитина пошатнулся и повалился под ноги своему же разогнавшемуся приятелю, тот споткнулся, подставляя шею под удар. Сверкнуло, покатила отсеченная голова. Дальше наблюдать за кэналлийцем Алан не мог — чуть ли не у самых его ног из-за края стены показался круглый марагонский шлем, а затем и плечи очередного мерзавца. Герцог немедленно обрушил на него меч, однако противник, по виду бывалый наемник, ухитрился, стоя на лестнице, вывернуться из-под удара. Окделл ругнулся и совсем не по-рыцарски пнул бородатую рожу ногой. Это помогло — марагонец полетел вниз, на головы топтавшимся у лестниц землякам, но любоваться делом рук своих Алану было некогда — пришлось заняться крепышом с секирой, которого сменил некто в роскошном рыцарском шлеме и старых, измятых доспехах. Окделл убил и того, и другого, потом на него набросилось сразу трое, одного рыцарь свалил, остальных прикончили подошедшие южане. Алан обернулся в поисках очередного противника и понял, что бой закончен. Неожиданности не случилось, а зря класть людей Оллар не любил, да и разрушение Кабитэлы в его намеренья не входило. Ублюдку нужна была столица, а не руины.

Окделл с наслаждением избавился от шлема и с еще большим наслаждением принял из рук подошедшего Алвы кувшин с вином. Неужели кэналлийцы притащили его с собой?!

Вера Камша

Сделав несколько глотков, герцог вернул южанину его собственность. Тот усмехнулся и высоко поднял сосуд над головой, лоя губами алую струю. Именно так пьют мориски. Главе одного из Великих Домов Талигойи следовало презирать южных варваров, но они приходились Алве родичами, и Рамиро всячески подчеркивал это родство. Алан подозревал, что кэналлийцу нравится дразнить Людей Чести своей непохожестью. Определенный смысл в этом был — Ариго стали графами пятьсот лет назад и старательно блюдут все обычаи, но все равно слышат в спину, что сколько осел ни бей копытом, конем ему не бывать.

Алва утер узкой ладонью губы и присел на корточки у стены, подставляя лицо слабенькому ветру. Окделл опустил ся на вылетевший из кладки камень напротив кэналлийца, украдкой разглядывая человека, в один день отстоявшего честь короны и спасшего город. На свой герб Алва поместили летящего против ветра ворона, и знак этот подходил Рамиро как нельзя лучше. Изначально символом Дома Ветров была белая ласточка в скрещении солнечных лучей, нынешние властители Кэналлоа могли бы унаследовать и ее, но остались верны зловещей черной птице. Что ж, в нынешнем небе, небе войны, ласточкам и впрямь не место.

Рамиро молчал, привалившись спиной к разбитой кладке. То ли устал, то ли просто не желал говорить. Жирный амбарный воробей плюхнулся наземь у самых сапог герцога и принялся деловито подбирать какие-то крошки. Кэналлиеца покосачьи сощурил глаза, наблюдая за пичугой. Он был сильным, красивым и чужим, и Алан поймал себя на том, что они никогда не поймут друг друга, как не поймут друг друга юг и север. Окделл отдавал себе отчет, что судит предвзято, однако ничего не мог с собой поделать — Повелитель Скал не доверял Повелителю Ветров, хоть это было и глупо — замыслил Алва предательство, он вел бы себя иначе.

Разрубленный Змей! Да не приведи Рамиро южан, не наори на Придда, не возьми оборону в свои руки, в городе сейчас бы хозяйничал марагонец... А может, дело именно в этом, и Эрнани прав? Все они взъелись на Алву, потому что чужак дела-

Талигойская баллада

ет то, на что не способен ни один из Людей Чести? В Придде и Гбнте говорят зависть и досада... А в Повелителе Скал? Собираясь с мыслями, Алан тронул герцогскую цепь и негромко окликнул:

— Эр Рамиро...

— Эр Алан?

— Мы вам очень обязаны...

— Пустое, — махнул рукой Алва. — Знай я, чего ждать, меня бы здесь не было.

— Я вас не понимаю.

— Понимаете. Просто в Талигойе не любят называть вещи своими именами. Я сожалею, что привел в Кабитэлу своих людей и привез жену, но раз я здесь, то сделаю все, что могу. Если угодно, назло тем, кто не способен ни на что. Будь я одним из вас, я дождался бы, когда рядом не будет слуг, и вlepил Придду пощечину, но я предпочитаю раз за разом вытаскивать его из лужи, в которую он норовит сесть. Эрнани должен сменить командующего, иначе плохое станет безнадежным.

— Его величество сделал бы это, — Алана покорило, что полукровка назвал короля по имени, но в откровенности кэналийца было что-то притягательное, — будь хоть какая-то надежда.

— Вот как? — темные брови поползли вверх. — Зачем сражаться, если не веришь в победу?

— Во имя чести, — бездумно ответил Алан и осекся, поняв, как глупо это звучит, — и потом, что нам делать, если не защищаться? Сдаться на милость бастарда?

— Горожане, как мне кажется, готовы сменить короля. Эктор Придд чуть ли не каждый день вешает смутьянов, но меньше их не становится.

Это было правдой. Простолюдинам надоела осада, они хотят есть досыта, спать в своих постелях, рожать и растить детей. Оллар обещает спокойную, сытую жизнь и свободу. Пока чернь выжидает, и лишь самые смелые или же глупые рискуют выказывать недовольство, но что будет, когда придет зима и Кабитэла начнет голодать и мерзнуть? Без сомнения, Эрнани имел в виду именно это! Бунт, который не подавить.

Вера Камша

— Вы сожалеете, что пришли, из-за бунта?

— Из-за бунта? — Рамиро казался удивленным. — Разумеется, нет. Жители Кабитэлы сыты, а сытые ремесленники и купцы, в отличие от дворян, не страдают воинственностью. Чтобы довести город до бунта, Людям Чести нужно очень постараться, разве что осада затянется до зимы.

— Разумеется, затянется. — Алан понимал своего собеседника все меньше и меньше. — Марাগонец не уйдет, а мы не сдадимся. И вы все еще не сказали, почему сожалеете о том, что пришли.

— Потому что приходится исполнять приказы спесивого болвана.

Вчера Алана эти слова оскорбили бы. Каким бы ни был Придд, он был маршалом Талигойи, и безродный выскочка не имел права его судить, но сегодня этот выскочка спас город, который едва не погубили глупость и упрямство Эктора.

— Это был не лучший выбор, но маршальский жезл почти Круг принадлежит Волнам.

— Раньше в этой волне были спруты, теперь, — Алва задумался, видимо, перебирая в памяти морскую живность, — медуза. Такая, с бахромой...

Медуза с фиолетовой бахромой... Щит Приддов украшал коронованный спрут, Алан представил на его месте полупрозрачный грибок со щупальцами и неожиданно для себя расхохотался. Алва последовал его примеру. Лед был сломан — властители Надбра и Кэналлоа поняли друг друга. Это еще не было дружбой, но неприязни у Алана заметно поубавилось.

— Вы разбираетесь в медузах, герцог.

— Разумеется, в Алвасётской бухте их прорва, особенно после шторма... Простите, герцог!

Лицо Алвы озарилось мягким внутренним светом, словно смывшим и усталость, и иронию. Южанин вскочил и бросился навстречу женщине в широком синем платье, которую поддерживали под руки две служанки. Алан видел кэналлийскую герцогиню и раньше, но никогда к ней не присматривался. Немного поколебавшись, Окделл присоединился к супругам,

Талигойская баллада

представляя, какую мину скорчил бы на его месте Повелитель Волн.

— Эр Алан, — просиял глазами Рамиро, — вы знакомы с моей женой? Какой-то болван рассказал ей, что был штурм, и ей взбрело в голову убедиться, что со мной все в порядке.

У Октавии Алва были удивительные глаза, такой бесконечной предвечерней синевы Алан еще не встречал. Герцогиня не походила ни на пламенных южных красавиц, ни на величавых талигойских аристократок, и Окделл вспомнил, что Рамиро разорвал помолвку с племянницей Придда и женился на безродной девице, встреченной им чуть ли не на постоялом дворе. Скандал вышел нешуточный, но властителя Кэналлоа чужое мнение не заботило.

Алан Окделл церемонно поклонился.

— Счастлив приветствовать прекрасную эрба. Я видел эрэа один раз на пиру и несколько раз в храме, но, увы, лишь издали.

— Октавия, в отличие от меня, очень набожна. Увы, ангелам положено, надо не надо, славить Создателя.

— И обращать безбожников, — улыбнулась герцогиня.

— Днем, — уточнил кэналлиец, указывая взглядом на живот супруги. — Ночью безбожники берут свое.

Октавия густо покраснела, и Рамиро быстро поднес к губам тоненькую руку. Он любил жену, в этом не было никаких сомнений. Не просто любил — боготворил, а она — его. В этом Алва тоже отличался от большинства Людей Чести, знавших своих невест с малолетства. Самое большее, на что мог рассчитывать в браке глава Великого Дома, — это на дружбу и понимание. До сегодняшнего дня Алан был уверен, что ему несказанно повезло с Женевьев, но она никогда не смотрела на него такими глазами. А он сам? Герцог любил обоих сыновей, глубоко уважал свою супругу и не изменял ей; у них с Женевьев было немало хороших минут, и все же Окделл почувствовал себя обделенным.

Именно поэтому, расставшись с кэналлийцами, он не вернулся в казармы, где жили его люди, а, вскочив на приведенного оруженосцем коня, направился в Цитадель. Герцог сам

Вера Камша

не знал, чего хочет от Женевьев. Она всегда была строгой, рассудительной и сильной. Истинная Повелительница Скал! Ее кузен Шарль, хоть и возглавил после гибели отца Дом Молний, частенько вел себя как мальчишка, а вот Женевьев ни разу не уронила своего достоинства. Она никогда не забывала, кто она и в чем ее долг перед обоими Великими Домами. Даже в постели.

Да, ему повезло с женой, на нее во всем можно положиться; случись что с ним, до совершеннолетия Ричарда вдовствующая герцогиня удержит знамя Окделлов, а что может синеглазая девочка с выбившейся из-под мантильи светлой прядкой? Только такой сумасброд, как Рамиро, мог забыть об интересах фамилии и пойти на поводу у сердца!

Большая серая крыса отвлекла Алана от мыслей о главенстве долга над чувством. В Кабитэле в последнее время расплодилось множество крыс и почти столько же монахов-торквинианцев. Первые грызут зерно, вторые — души, но и тех и других лучше не задевать, по крайней мере людям.

Алан догадывался, что простые талигойцы не любят своих эров, но лишь после появления Оллара стал понимать, до какой степени. Заслуженно славящийся смелостью и прямоотой Повелитель Скал был почти напуган. Дошло до того, что он сожалел о данном сыну позволении оставить у себя уличного котенка. Забавный белый с черными пятнами звереныш не знал, что он пособник Леворукого, видящего кошачьими глазами и слышащего кошачьими ушами.

С тех пор как святому Торквинию открылась Истина, кошки стали почитаться нечистыми. Их пытались извести — не получалось. Рискуя жизнью, твари следовали за человеком, их убивали во множестве, но плодились они быстрее, чем умирали, становясь все изворотливей и хитрей. Потом случилась чума, и вестницей ее стали крысы, а за чумой, выкосившей хлебные провинции, пришел голод. Полчища крыс и мышей были его пособниками, и тогда Эсперадор¹ запретил истреблять кошек, чем те не замедлили воспользоваться.

¹ Эсперадор — глава эсператистской церкви.

Талигойская баллада

В Талигойе отношење к мяукающему племени было странным. На севере еще помнили сказания, в которых кошки отгоняют чудовищных крыс, грызущих стену Мира, за которой режут Изначальные твари, жаждущие добраться до живых душ и горячей крови. В Кэналлоа, почитаемой эсператистской лишь потому, что обратить черноволосых полуморисков в истинную веру силой Святой престол не решался, к кошкам относились, как к любым домашним тварям. В Кабитэле им разрешалось жить в амбарах и погребях, однако пустивший кошку в дом рисковал угодить в пособники Леворукого.

Окделл был северянином, в его родовом замке кошки чувствовали себя вольготно, и герцог не озаботился запретить сыну играть с котятками, ему было не до того. А зря. «Истинники» орут все громче и громче. Они могут начать с кошек, а закончить...

Дорога оказалась короче неприятных мыслей. Копыта процокали по мосту, под которым бурлила темная данарская вода. Отделенная от остального мира двойным кольцом Старого и Нового города и широкой рекой, Цитадель жила своей жизнью, вход в нее был открыт лишь Людям Чести и их свитским. Алан спрыгнул с жеребца во дворе Обители Скал, бросил поводья слуге и поднялся к супруге.

Женевьев со своими дамами сидела у окна и вышивала, у ее ног примостился наигрывающий на лютне юноша-паж. При виде Алана женщина изящным движением отложила пальцы и протянула руку для поцелуя. Повелитель Скал коснулся губами прохладных пальцев и повернулся к свите.

— Сударыни, оставьте нас.

Дамы поднялись и, шелестя юбками, выплыли прочь. Женевьев смотрела на мужа с легким недоумением.

— Что-то произошло? Приступ, насколько мне известно, отбит.

— Да, благодаря кэналлийцам. Эктор выказал себя полным болваном.

— Каковым и является, — со вздохом произнесла герцогиня, на сей раз полностью разделявшая мнение своего необузданного кузена. Алан невольно расхохотался, второй раз за этот необычный день.

Вера Камша

— Несчастный Эктор, никто его не любит. Ни Шарль, ни вы, ни я, ни кэналиец.

— Последнее немудрено, — улыбнулась женщина. — Я удивляюсь выдержке Алвы, другой на его месте Придда уже вызвал бы.

— Рамиро, — Алан и не заметил, как назвал южанина по имени, — мстит ему иначе. Не желаете узнать как?

— Желаю. — Герцогиня слегка улыбнулась.

— Он его спасает, — Окделл сделал паузу, — раз за разом и у всех на глазах.

— Рискованная игра, — покачала головой Женевьев. — Придд — опасный человек и очень злопамятный. Что с вами сегодня? Вы сами на себя не похожи.

— Кто его знает. Возможно, дело в утренней победе, а возможно, в том, что я повидал настоящую любовь. Странно, прежде Октавия Алва не казалась мне красавицей. Беременность редко красит женщину... Простите, эрэа, я сказал что-то не то.

— Отчего же, вы правы. — Женевьев потянулась к пальцам, и Алан понял, что она все же обижена.

— Сударыня... — Зачем он сюда пришел? У него много дел в казармах, и еще надо переговорить с Шарло о защите Полуденных ворот. — Я рад убедиться, что вы в добром здравии. Это было необдуманно — просить приехать вас и Ричарда.

— Герцогиня Окделл знает свой долг не хуже, чем герцогиня Алва. — В тихом голосе прозвучала сталь. — Остается надеяться, что и мужчины не забудут своей клятвы не сдавать Кабитэлу.

— Можете не сомневаться, — заверил Алан. — Люди Чести могут умереть, но не отступить.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Зелен яд заката, но я выпью зелье,
Я пройду сквозь арки, где года истлели...»

1

Лето клонилось к концу, а Кабитэла держалась. После шестого штурма Франциск Оллар раздумал класть людей под стенами и перешел к осаде. Бездомный Король не торопился — время работало на него. Оллар разбил постоянный лагерь, поставившись, чтобы всем стало ясно — на этом месте будет Третий город¹. Осаждающие чувствовали себя как дома, всем своим видом показывая, что явились навсегда. Со стен было видно, как к бастарду тянутся многочисленные обозы, — окрестные крестьяне везли на продажу новый урожай. Франциск вел себя не как завоеватель, а как сюзерен — он запретил грабить, а за провиант и фураж рас-

¹ Расположенная на берегу широкого и быстрого Данара Кабитэла состояла из построенной на холме Цитадели, в которой обитал король и были расположены Обители четырех Великих Домов. К Цитадели примыкал окруженный Императорской стеной Старый город, далее располагался Новый город, во времена Эрнани Восьмого обнесенный мощной оборонительной стеной с башнями и выносными укреплениями. К описываемым временам свободной земли в Новом городе почти не осталось, и Франциск Оллар давал понять, что нужен Третий город.

Вера Камша

плачивался где-то добытой звонкой монетой. Эрнани подобной роскоши позволить себе не мог.

Разумеется, в Цитадели было все необходимое, но солдаты об овощах, молоке и свежем мясе могли лишь мечтать. Осаждающие же, как нарочно, устраивали то соревнования лучников, то пирушки с танцами, на которые приходили девушки из ближайших деревень. Жевать сухари и солонину, сжимая в руке копьё, и смотреть на чужой праздник — что может быть неприятнее? Из-за стены раздавались то веселые приглашения, то ядовитые насмешки над колченогим королем и спесивыми петухами, с какой-то дури возомнившими себя орлами, а герольды то и дело зачитывали указы и воззвания самозванца, в которых тот обращался то к воинам, то к купцам, то к ремесленникам, называя их не иначе как своими добрыми подданными. Самое печальное, простонародью это нравилось. Бастард был тем королем, которого хотела чернь.

Алан видел, что жителям Кабитэлы доверять нельзя: Оллар перетянул их на свою сторону, а бродячие проповедники и вовсе вот-вот натравят горожан на Людей Чести. Пришла пора сказать, что ворота в Цитадель нужно держать закрытыми, а мост — поднятым. Даже в собственном дворце — и то стоит быть осторожнее. Придется уговорить сына расстаться с котенком. Звереныша лучше всего отнести к складам, там живет немало кошек, они сыты, и амбарщики их не трогают...

В дверь постучали; сидевший у входа оруженосец, повинуясь знаку господина, отодвинул засов и поклонился, приветствуя властителя Кэналлоа.

— Простите за вторжение, — южанин одарил хозяина беззубой улыбкой, — но мне надо поговорить с кем-то, кто думает о деле не меньше, чем об этой вашей Чести.

— Рад вас видеть, герцог. — Это не было простой вежливостью. Кто б еще весной сказал Повелителю Скал, что он будет рад визиту кэналийского полукровка! — Вина?

— Не откажусь.

— Нед, подай кубки и можешь идти.

Оруженосец исполнил приказ и вышел, косясь на чужака, с которым оставался его эр. Окделл разлил вино. Протягивая

Талигойская баллада

кубок гостю, он с удивлением заметил, что котенок, о котором он только что думал, умудрился просочиться в комнату и взобраться кэналлийцу на колени. Рамиро рассмеялся, дерзко блеснув глазами, и погладил зверька.

— А вы еретик, эр Алан.

— А вы?

— Я? Безбожник, вестимо. Может, где-то кто-то и есть, только им нет дела до нас, а мне, соответственно, до них. Если б я ждал, когда кто-то явится и начнет всех спасать, я бы остался в Алвасете. Зачем делать то, что за тебя сделает другой, причем быстрее и лучше? — Кэналлиец вновь расхохотался и поднял кубок. — За кошек и их хозяев — или Повелителя?

Алан, сам не зная почему, тоже засмеялся и осушил кубок. Они все сходят с ума. От безнадежности, чужой ненависти, безделья. Отсюда и мерзкие сны, и нынешняя попойка. Повелитель Скал пьет за кошек с кэналлийским полукровкой? Ну и пьет, что им делать, если не пить?!

— Вы знакомы с Леворуким, Рамиро?

— Нет, к сожалению. — Гость пригубил вино, и Алан вспомнил, что Алва — хозяин лучших в мире виноградников, а привезенное из Горной марки белое было весьма посредственным.

— Я б не отказался с ним поговорить. — Рамиро поставил кубок. — Подчинить кошек трудней, чем людей. Кстати, раз уж зашла речь о демонах. Окделл, не будете ли вы любезны рассказать мне о Четверых и их наследстве?

Алан в недоумении воззрился на гостя. Рамиро — глава Дома Ветров, он должен знать все.

— Вы, я вижу, удивлены, но откуда морисскому отродью знать тайны Людей Чести? Дом Ветров вымер, Повелителями назвали нас, но ваши обряды, переходящие от отца к сыну, нам неведомы по-прежнему. Мы живем и воюем по собственному разумению, но раз уж меня принесло умирать за короля Ракана, поведайте, чем он отличается от того же Оллара.

Чем отличается? Чем они все отличаются от обычных людей? Пожалуй, что и ничем. Может, когда-то Люди Чести

и впрямь повелевали стихиями, но теперь остались лишь гербы, медальоны со странными знаками да гордость, вернее гордыня. Тот же Рамиро умней и удачливей их всех, вместе взятых, да и Бездомный Король... Над ним можно сколько угодно смеяться, однако своего он не упустит.

Окделл сунул руку за пазуху и вытащил серебристый диск с гравировкой. Такие вместо святой эспэры¹ носили главы Великих домов, остальные Люди Чести довольствовались золотыми копиями. Агарис смотрел на эту традицию, мягко говоря, косо, но в Талигойе ей все еще следовали. Алан протянул вещицу собеседнику.

— Вот все, что уцелело от прошлого величия, если оно, разумеется, имелось. То есть власть, конечно, у нас была, а вот сила — вряд ли, хотя за три тысячи лет любая волшба выдохнется.

Алва задумчиво смотрел на слабо мерцающий на его ладони диск. Если б волосы кэналлийца стали золотыми, а глаза — зелеными, он вполне сошел бы за Повелителя Кошек.

— У вас должен быть такой же, Рамиро, но со знаком Ветров. Мы, Повелители Скал, дети Заката и Полночи, стражи Северо-Запада. Вы рождены Восходом и Полуднем, повелеваете Ветрами и охраняете Юго-Восток, вернее, охраняли в Гальтарские времена. Неужели вы не знали и этого?

— Это, — Алва усмехнулся, — знают даже кошки, а медальон Повелителя и впрямь у меня. Алан, я хочу понять, есть ли правда в разговорах о старых силах и почему Эрнани Святой предал прежних богов. Не знаю, как вам, а по мне, гаже крыс со свечками ничего не придумаешь...

Странная ночь и странный разговор, хотя Рамиро можно понять. Он — Повелитель и имеет право на правду, пусть и никому больше не нужную. Но сколько правды в старых сказках, которыми кормили в детстве герцога Окделла?

— Рамиро, когда вам исполнилось шестнадцать, вы завещали свою душу Ветрам?

¹ **Эспера** (защитная звезда) — медальон и виде семилучевой серебряной звезды.

Талигойская баллада

— А надо было? — поднял бровь кэналлиец. — Нет, я ничего такого со своей душой не делал.

Значит, о ритуале Алва не знает, что не мешает ему быть умней и удачливей Придда.

Золотое «вчера» Талигойи — блуждающие Башни, каменные кольца Гальтáры, меч Раканов, Закон и Честь... Алан родился и вырос, когда все это стало легендой. С той поры как Эрнани Святой два Круга¹ назад внял увещаниям эсператистов и перенес столицу из пропитанной демонопочитанием Гальтары в тогда совсем еще небольшую Кабитэлу, все связанное с Четырьмя старательно забывали. Но прошлое то и дело напоминало о себе то песнями, то выловленными из воды или найденными в земле древностями, то непонятными предсказаниями, то срывающимися с губ проклятиями...

— Странные вещи. — Кэналлиец вернул медальон хозяину. — Они что-нибудь дают?

— Я надел знак Скал в ночь, когда умер отец. Не знаю, сколько лет этому талисману. Считается, что он принадлежал первому из сыновей Полуночи и Заката и дает власть над скалами.

— И что, — не преминул уточнить Рамиро, — талисман Окделлов и вправду подчиняет камни?

— Нет, по крайней мере, я ни о чем таком не знаю. Мы зовемся Повелителями, бастард назвал себя Победителем Дракона... Когда я надел фамильный медальон, он еще хранил тепло отца, однако я не почувствовал ничего. Как и в ночь совершеннолетия, когда отвечал на Вопросы и произносил Клятву.

— Вопросы? Какие?

— В каждом Доме спрашивают о разном. — Алан невесело усмехнулся. — Шарло... герцог Эпинэ, так же как и я, не понимает ничего. Может, в этих словах и упрятан какой-то смысл, а может, и нет. Вы ничего не потеряли, Рамиро, от того, что не прошли посвящение и не носите амулета.

¹ Летосчисление в Кэртиане делится на сменяющие друг друга в строгом порядке 400 летние Круги (эпохи) — Скал, Ветров, Волн и Молний. Подробнее см. приложения.

Вера Камша

— Отчего же, — возразил кэналиец, — ношу. Откровенность за откровенность. Вот мой талисман, можете открыть.

Алан бережно принял изящный медальон морисской работы, оказавшийся хранилищем светло-русого локона.

— Октавия?

— Да, единственная сила, которой я молюсь.

— Послушайте, Алва, — Окделл вновь наполнил кубки, — вы отдаете себе отчет в том, что наше положение безнадежно?

— Безнадежных положений не бывает, — медленно покачал головой южанин, — есть безнадежные дураки, и есть утратившие надежду. Вы, Люди Чести, разделились именно на них.

— Мне обязательно вызывать вас на поединок? — осведомился Алан.

— За то, что я назвал Придда безнадежным дураком? Можете ему это передать, а вызывать меня или нет — его дело. Маршал не принял вызов бастарда, вряд ли снизойдет и до полукровки. Алан, неужели вы не видите выхода?

— Нет, и можете записывать меня в болваны. А вы?

— Вижу. Мне нужно еще немного подумать, а потом я попрошу аудиенции у короля.

Окделл едва удержался от того, чтобы схватить Алву за руку. Отчего-то он сразу поверил, что выход есть и Рамиро его знает. Эрнани прав — кэналиец прирожденный полководец. Пусть талигойцы трижды презирают южных варваров, но мориски умеют воевать. Олар не признает никаких законов, Алва, похоже, тоже. Он найдет управу на Бездомного Короля... Синеглазая Октавия и ее еще не рожденный ребенок в Кабитэле, Рамиро сумеет их защитить.

2

Алва давно ушел, а Алан все еще сидел у стола, вертя в руках опустевший кубок. Почему кэналиец заговорил о Четверых? Любопытство? Желание узнать то, что известно главам других Домов, или нечто большее? Герцог Окделл клялся никому, кроме своих сыновей, не доверять тайн Скал, но откуда взялся этот запрет? Алан помнил свое разочарование, когда

Талигойская баллада

накануне шестнадцатилетия отец протянул ему пожелтевший свиток с вопросами и ответами и сказал, что это нужно выучить наизусть. Он выучил. В ночь совершеннолетия будущего Повелителя Скал отвели на возвышающийся над Надором утес и приковали к бронзовому веprю. Отец приставил ему к груди фамильный меч и стал задавать вопросы. Один за другим. Даже тогда это казалось бессмысленным, однако наследник Великого Дома должен пройти через ритуал Завещания.

- *Сколько их было?*
- *Четверо.*
- *Куда они ушли?*
- *Туда, откуда не возвращаются.*
- *Почему они ушли?*
- *Потому что клялись защищать.*
- *Кто ушел за ними?*
- *Лучшие из лучших.*
- *Кто остался?*
- *Мы.*
- *Сколько нас?*
- *Четверо. Всегда четверо. Навечно четверо.*
- *Кто на нашей стороне?*
- *Закат и Восход, Полдень и Полночь.*
- *Кто против нас?*
- *Те, кто займет чужое место.*
- *Кто откроет Врата?*
- *Он и Она.*
- *Кто Он?*
- *Он уйдет в Осень.*
- *Кто Она?*
- *Она придет из Осени.*
- *В чем наша сила?*
- *В памяти и чести.*
- *В чем наша слабость?*
- *В чести и памяти.*
- *Что нас ждет?*
- *Бой.*
- *Когда пробьет наш час?*

Вера Камша

— *Мы узнаем.*

— *В чем наш долг?*

— *В том, что никто иной не исполнит.*

Шестнадцать вопросов и шестнадцать ответов... Шестнадцать, четыре раза по четыре, — священное число древних. Четыре раза по четыре месяца, четыре раза по четыре кровных вассала... Было... Осталось девять, если считать Ариго, и восемь, если не подыгрывать самим себе. А сколько уцелеет после войны?

— *В чем наш долг?*

— *В том, что никто другой не исполнит...*

Надо спросить Шарло, вдруг, сложив Завет Молний с Заветом Скал, они что-то поймут. Эктор никогда не скажет, что известно Волнам, а Ветра... Ветра умерли вместе с последним Борраской. Остался черноглазый полукровка — смелый, дерзкий, умный, рожденный настоящим назло прошлому.

— *Кто против нас?*

— *Те, кто займет чужое место.*

Займет или уже занял? И кто? Бездомный Король? Алва, не имевший права на титул Повелителя Ветров? Кто-то еще? Восемь сотен лет назад Раканы отказались от древнего могущества или от вековой лжи?

— Его величество просит вас срочно прийти. — Юный оруженосец смотрел на своего господина с искренним сожалением. Опять бессонная ночь.

— *Поддай кольчугу.*

Уходя во дворец, надо быть готовым к тому, что окажешься на башнях, да и ездить по городу становится опасным. Гайфские наемники ненадежны, и если б только они!

Герцог глянул в угол, где висело изображение Создателя — красивого мужчины с пронзительным взором, свечой в одной руке и мечом в другой. Алан скорее верил в него, чем нет, но в этот раз вместо положенной перед уходом из дома молитвы тронул рукой вновь занявший свое место Знак Скал, перевел взгляд на стоящее под иконой знамя Окделлов, быстро пересек комнату, поцеловал прохладный шелк и, не оглядываясь, вышел.

Талигойская баллада

Спускаясь вниз, он заметил нахмуренного наследника, сосредоточенно засовывавшего за пояс кинжал.

— Дйкон!

— Да, отец.

— Никуда не ходи, тем более один.

— Барс потерялся, я должен его найти.

Еще не хватало, чтобы мальчишка бегал по темным закоулкам в поисках котенка! Мало ли куда тот забежал, мог и из Цитадели выскочить. Кошки не люди, везде отыщут лазейку, с них станется.

Когда Создатель, вспомнив о сотворенном им мире, вернулся и изгнал захвативших его демонов, все твари дневные и ночные склонились перед Ним и восхвалили Его. Все, кроме кошки, повернувшейся к Нему спиной и принявшейся умываться. За свою гордыню кошка была изгнана на край мироздания, где вечно горит огонь Заката. Там вместо того, чтобы искупить свой грех смирением, она отыскала проход в великом пламени и показала его Чужому, назло Создателю признав того своим владыкой. Так Леворукий открыл путь в Кэртиану... Во всяком случае, по мнению мракобесов в серых балахонах.

— Твой кот сам вернется. Я запрещаю тебе выходить.

Сын нахмурился, но промолчал. Садясь на коня, герцог окликнул слугу:

— Фрэнки, если найдете котенка, не возвращайте Ричарду, а отнесите к амбарам.

Фрэнки угрюмо кивнул. Упрямый, как большинство надорцев, он терпеть не мог торквинианцев, хотя за что их любить?! Говорят, в орден Истины красивых и высоких не берут. Красота ходит рука об руку с гордыней, а слуги Создателя должны быть смиренны и незаметны, недаром их символом стала мышь со свечой в лапках.

Красота сама по себе искус и для ее обладателя, и для тех, кто рядом. Тот же Рамиро в глазах «истинников» пособник Чужого лишь потому, что красив и горд. А в глазах Людей Чести он виноват в том, что занял пустующее место! Бред! Только раньше Алан Окделл отчего-то о таком не задумывался.

Хмурые стражники с королевскими гербами на туниках раздвинули копыя, пропуская Оқделла к королю. С Эрнани был за-
спаннй Шарло; похоже, беднягу подняли с постели. Они все
стали какими-то совами — днем спят, ночью караулят...

— Вы звали меня, государь?

— Да, герцог. Мы рады вас видеть. — Эрнани выглядел
не просто плохо — ужасно. — Алва просит разговора наедине,
но я решил пригласить еще и вас. Не то чтобы я ему не дове-
рял, просто вы с Эпинэ сможете дать мне совет.

— Я к услугам моего короля.

— Благодарю. — Повелитель Талигойи еле заметно шевель-
нул рукой, подзывая пажа. — Пригласите герцога Кэналлоа.

Если южанин и был разочарован присутствием посторон-
них, то ничем этого не показал. Похожий в надетой поверх
легкой кольчуги котте на морисского шада с книжной миниа-
туры, Рамиро изысканно поклонился.

— Вы хотели говорить со мной, герцог. Надеюсь, вас
не смущает присутствие моих добрых друзей?

— Отнюдь нет. Я не хотел, чтобы меня слышали кансил-
льер и маршал, но я рад видеть герцога Эпинэ, а герцог Ок-
делл знает, о чем я буду говорить.

— Мы слушаем. — Король говорил с видимым усилием, не-
ужели возвращается болезнь? Серую лихорадку нельзя выле-
чить, разве что залечить, но как же не вовремя!

— Государь, город нам не удержать. Отдых скоро закончит-
ся. Франциск делает вид, что будет ждать холодов, но я ему
не верю: когда зарядят дожди, в лагере станет несладко. Олла-
ру нужно победить до исхода лета. Он приручил окрестных
крестьян и примирил с собой горожан, теперь пора вновь
браться за оружие. Два, самое большее — три штурма, и сна-
чала Новый город, а потом и Старый падут. Цитадель продер-
жится дольше, но возьмут и ее. Ваши люди не верят в победу,
а простые воины хотят жить.

— Не только простые, — вмешался Эпинэ. — Я вчера по-
весил гайифского капитана. Мерзавец твердил, что во время

Талигойская баллада

осады солдатам причитается тройное жалование, а мы не можем заплатить даже положенного. Наемники скоро уйдут, и хорошо если при этом не ударят в спину.

— Я знаю об этом, — тихо произнес Эрнани, — более того, я не надеялся, что мы продержимся так долго. Если б не ваши выдумки, Рамиро, все было бы уже кончено. Что ж, такова наша судьба. Мы погибнем, но не уроним своей чести. Эпинэ, завтра же переведите гайифцев в Новый город. Когда они предадут...

«Когда они предадут, — с тоской подумал Алан. — Никто из нас не сомневается в предательстве, только не знает, когда оно случится — завтра или послезавтра...»

— Государь, — Рамиро позволил себе перебить короля, — вы правы, от гайифцев надо избавиться, но это лишь начало. Город не удержать, но потеря столицы — это еще не проигранная война.

— То есть? — подался вперед Шарло.

— Государь, выслушайте меня. Я слежу за Олларом с начала войны, и, мне кажется, я его понял. Франциск — отменный боец, замечательный вождь, сильный политик, но он не полководец...

— Не полководец?! — Алан не поверил своим ушам. — Бездомный не проиграл ни одного сражения, он начинал с десятком человек, а сейчас с ним армия.

— Это лишь подтверждает мои слова. Оллар — вождь, ему верят и за ним идут. В королевстве много обиженных и недовольных своим положением, а Франциск умеет и подчинять, и очаровывать. Если он окажется на троне, то сумеет сговориться и со знатью, и с церковью, и с простонародьем. Оллар станет сильным королем, но как военачальник он глуп, хоть и не понимает этого.

— Рамиро! — серое лицо Эрнани порозовело. — Что вы хотите сказать?

— То, что маршал Придд, граф Гонт и иже с ними соображают еще хуже. Оллар — та самая ящерица, что среди черепях сойдет за коня, но он не конь! Франциск воюет по старинке: не было ни одной ловушки, в которую он не попался. Герцог Эпинэ успешно доказал, что марагонца можно бить. Толь-

ко бездарность Придда не позволяет бастарду понять, что его предел — баронская дружина, разумнее же всего ограничиться турнирами и забыть о большой войне. И это наше счастье! Если Бездомный Король поймет, что не умеет водить армии, он быстро найдет тех, кто будет делать это за него и для него, а сам станет драться в первых рядах, вызывая всеобщий восторг.

— Что ты предлагаешь? — Эпинэ схватил Рамиро за руку, забыв даже о присутствии Эрнани.

— Бросить все на кон и выиграть войну, — твердо произнес кэналлиец. — Не поручусь, что у нас выйдет, но терять нам нечего.

— У вас есть план, герцог? — голос короля дрогнул.

— Есть, ваше величество. Сначала нужно развязать себе руки. Бастард предлагает желающим покинуть город. Выгоните взашей ненадежных и заставьте уйти семьи.

— Семьи? Наши жены поклялись разделить участь своих мужей.

— Участь, но не бой! Пусть уходят. Оллар решит, что в крепости остаются смертники, и пусть его, а женщин с детьми он не тронет. Франциск думает о том, как станет править, он захочет переженить своих любимцев на знатных талигойских вдовах. Бездомный Король жесток, но играет в справедливость, иначе он бы меня не отпустил.

— Что мы будем делать, когда отправим женщин и предателей?

— Отобьем штурм — на это нас еще хватит, и бросим жребий. Кто-то и впрямь останется умирать. Затем мы переправимся через Данар, вырежем поставленные Франциском заставы, а дальше...

— Гальтара? — услышал собственный голос Алан.

— Да. Я для вас чужак, полукровка, но я знаю, что талигойский король в Гальтаре обретает особую силу.

— Это так, — медленно произнес Эрнани. — Гальтару защищает сила Четверых, но мы приняли новую веру и поклялись отказаться от старых суеверий.

— Но суеверие ли это? — Алан видел, что кэналлиец прав. Если Четверо — сказки, они ничего не теряют: север

Талигойская баллада

и юго-восток все еще верны своему королю. Если же в древней столице король обретет легендарную силу, и того лучше. Да, их назовут отступниками, ну и что? Зато они победят!

— Рамиро, — вступил Эпинэ. Повелитель Молний всегда рубил сплеча, для него чужак-южанин, нашедший выход из ловушки, тут же стал своим, — до Гальтары еще нужно идти.

— Дойдем, — твердо сказал Алва. — Южная армия Франциска не разбита только потому, что никому не пришло в голову это сделать.

— Их в три раза больше, чем нас!

— Возьмите тридцать мышей и спустите на них пятерых котов, — пожал плечами кэналлиец. — Если понадобится, я разобью этого воспитанника адрианианцев. Хотя проще его обмануть и заставить ловить собственный хвост.

— Герцог, — слабо улыбнулся Эрнани, — вы о ком?

— О Колиньяре из Ариго. Это он сейчас пытается завоевать для Франциска свои родные места. Колиньяр лучше Франциска, но я с ним справлюсь.

— Что ж, — король смотрел на кэналлийца, уже не скрывая надежды, — вижу, вы все продумали.

— Кроме одного, — жестко сказал Алва. — Люди Чести не пойдут за полукровкой, а маршал Придд не станет меня слушать. Встаньте во главе армии, ваше величество, или сменили маршала на того, кто видит дальше своего носа.

— Разрубленный Змей! — вскинулся Шарль. — Этого мери-на давно пора на живодерню, а он все еще задом вскидывает.

— Держите себя в руках, герцог! — прикрикнул Эрнани, и Алан поразился, что король очнулся от спеленавшей его апатии. — Алва прав, я завишу от Высокого Совета. Вас трое, и один сам называет себя чужаком. Мы можем убедить фок Варзов, Савиньяка и старого Дорáка. Тогда, с учетом королевских голосов¹ нас будет десять против семи, но маршалом Алве не стать. Алан, я отдам жезл вам.

— Будешь царствовать, но не править, — ухмыльнулся Эпинэ. — Рамиро...

¹ На Высоком Совете у короля было четыре голоса.

Вера Камша

— Погодите! — Алва вскочил, проверяя, как ходит в ножнах меч. — Кажется, я слишком долго думал...

Кэналлиец оказался прав — вбежавший оруженосец трясутымся голосом доложил о бунте. Гайифцы решили сменить хозяина.

— Вот и все, — Эрнани словно бы погас, — бороться с судьбой невозможно.

— Невозможно с ней не бороться. — Алва уже скинул котту и теперь стаскивал с себя морисскую кольчугу.

— Герцог, что с вами?

— Ничего. Эпинэ, шли бы вы на стены. Надеюсь, Цитадель под охраной?

— Сегодня на стенах Михаэль.

— Лучше, чем все остальные, но хуже, чем вы. Прошу простить, ваше величество, мне надо отлучиться.

— Что вы задумали?

— Вытащить Придда из лужи. — Кэналлиец рывком распахнул окно, выходящее на реку. Данар горделиво нес свои воды к порогам, и до противоположного берега было безумно далеко. — Подниму своих людей.

— Вы с ума сошли!

Алан был полностью согласен с королем. Вплавь миновать захваченный гайифцами Старый город и выбраться из реки над самыми порогами... Такое могло прийти в голову лишь безумцу.

— Я хорошо плаваю, господа. — Рамиро вскочил на подоконник. — Алан...

— Да?

— Нет, ничего... До встречи.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Да я-то уже не я,
И дом мой уже не дом мой...»

1

Эту ночь Алан Окделл запомнил навсегда. Гайифцы были умелыми бойцами и знали, чего хотят. Захваченный ими Старый город находился между Цитаделью и Новым городом, за стенами которого располагался вражеский лагерь. Замысливший предательство капитан рассчитывал овладеть мостом через ров и ворваться в Цитадель, одновременно пробив коридор через Новый город к Мясным воротам. План был хорош, а маршал Придд в очередной раз доказал свою полную бездарность. Спрут умел и любил вешать бунтовщиков или же тех, кого почитал таковыми, но настоящий бунт прозевал. К счастью, стоявшие у ворот люди Савиньяка и распорядившийся на стенах Цитадели Михаэль фок Варзов не сплеховали.

Ворваться в королевскую резиденцию бунтовщикам не удалось, но вожака гайифцев это не обескуражило. Леворукий с Цитаделью! Если город будет взят, Люди Чести рано или поздно запросят пощады.

Оставив напротив поднятых мостов пять сотен человек, предатель построил своих людей клином и пошел на прорыв. Хорошо вооруженные гайифцы сломали оборону Берхэйма, вырвались в Новый город и... налетели на южан Алвы, к которому примкнул Рокслэй, ставящий дело превыше чистоты кро-

ви. Рамиро буквально вбросил наемников назад, в Старый город, и на улицах закипела резня.

Кэналлийцы шаг за шагом шли вперед, и у изменников не осталось иного выхода, кроме как снять охрану с мостов. Для Окделла и фок Варзов это стало сигналом, и их дружины ударили по гайифцам с тыла.

Алану было страшно и дико убивать недавних соратников, из-за чего Повелитель Скал дважды едва не погиб — рука не поднялась на тех, кого он знал в лицо. Один раз герцога спас оруженосец, второй — прорубившийся к нему Алва. Кэналлиец не был столь сентиментален — гайифцы для него были такими же чужаками, как все остальные. Южане, повинаясь своему сюзерену, сносили презрение «истинных талигойцев» и их наемников молча, однако это отнюдь не означало, что они прощают. Когда пришлось повернуть оружие против бунтовщиков, кэналлийцы не колебались и не скорбели, к тому же у них имелся опыт боев в городе.

Алва шел впереди своих людей. Глядя на забрызганную кровью фигуру в обманчиво легких доспехах, Окделл поймал себя на мысли, что ему страшно. Кэналлиец не щадил никого и казался железным. Потом южанина с северянином разметало в разные стороны. Ночь закончилась, взошло солнце, осветив заваленные трупами улицы, но бой все еще продолжался — гайифцы, понимая, что пощады не будет, огрызались до последнего.

Добывать бунтовщиков пришлось фок Варзов с Савиньяком — Бездомный Король, поняв, что в городе творится нечто необычное, не преминул атаковать многострадальную западную стену. Алва и Окделл бросились туда. К счастью, штурм больше походил на разведку. Убедившись, что защитников на стенах хватает, марагонец отступил, а Рамиро с Аланом в изнеможении рухнули прямо на раскаленные солнцем ступени Червленной башни.

— Вы опять спасли город, Алва.

— Не уверен. — Кэналлиец сорвал шлем и теперь жадно хватал ртом горячий воздух. — Если думать об этой стране, следовало поддерживать бунт, а не подавлять его.

— Рамиро!

— Вы — хороший человек, Алан, но вы не видите того, что вам не нравится. Талигойя подыхает. Отказавшись от Четверых, Эрна-

Талигойская баллада

ни Святой подрезал подпругу коню, который вас вывозил тысячелегиями. Теперь вы пытаетесь удержаться за хвост и все равно свалитесь в пропасть. Мы прикончим Оллара, но придут другие, много хуже... Придут агарисские святоши, придут уэртские грабители, придут гайфские вымогатели, не говоря уж о дрыксенских живодерах. Не те вас с вашей Честью сожрут, так другие, а бастард... Бастард пришпорит Талигойю, под ним она вспомнит, что значит бег! Оллар рожден королем великой державы, и он ее создаст. Если мы не помешаем.

— Почему тогда вы с нами, а не с ним?

— Так вышло, — пожал плечами Алва, — и, потом, я могу и ошибаться. Вдруг у Эрнани хватит духу вернуть то, от чего отказался его святой тезка, или взять то, что еще никто не брал?

— Вы говорите загадками.

— А вам надо в лоб? Извольте. Или Эрнани вернет столицу в Гальтару и обопрется на силу Четверых, если таковая существует, или станет тем, кем стал бы для страны Бездомный Король. Третьего не дано. Будь хоть конем на берегу, хоть рыбой в море, но не жабой в болоте...

— Соберано... — Черноглазый юноша в синем и черном нерешительно переминался с ноги на ногу.

— Говори.

— Госпожа беспокоится...

— Сейчас буду. — Рамиро легко вскочил. — Простите, Окделл, я должен идти.

Кэналлиец умчался, на прощанье махнув рукой. Алан остался — ему спешить было не к кому, а в словах Алвы было слишком много правды, чтобы от них отмахнуться. Талигойя и впрямь застряла между «вчера» и «сегодня», а с ней вместе увязли и Повелители.

По легенде Окделлы вели свою родословную от старшего из канувших в небытие Четверых. На гербе Повелителей Скал красовался золотой вепрь у подножья черной скалы, скалы были и на гербах кровных вассалов — Карлибнов, Тристрамов, Рокслеев, Берхаймов. «Незыблем» — это слово с герба сюзерена входило в девиз каждой фамилии Дома. В чем незыблем? В глупости? В упрямстве? И существовали ли они, всесильные предки, завещавшие мудрость и силу избранным родам и покинувшие

Вера Камша

Талигойю для смертельного боя, или же великое минувшее — это сказки? Обычные сказки, придуманные дикарями, некогда населявшими Золотые Земли¹?

Темнело, нагретые камни мало-помалу остывали, с реки потянуло холодком, да и застывшие в нескольких шагах свитские истомились. Надо было вставать и идти... Все дела на сегодня закончены — они перебили гайифцев и отразили очередной приступ, вернее, это Рамиро Алва подавил бунт и сбросил Оллара со стен. Кэналинец поспеваает всюду, но маршалом ему не бывать, потому что он — полукровка и, по мнению самовлюбленных болванов вроде Придда и Тристрама, не имеет права приказывать им, великим... Следуя этой логике, можно договориться до того, что Оллар не имеет права их бить, однако ж бьет.

Алан с трудом поднялся. Он устал, как ломовая лошадь, как табун ломовых лошадей, сегодня в Старом городе и Цитадели вряд ли бы нашелся хоть кто-то, способный держать оружие. Оставалось надеяться, что Бездомный Король подтвердит мнение Рамиро о своих воинских талантах и, опасаясь ловушки, на штурм не пойдет. Герцог Окделл медленно брел по извилистой улице, нехотя поднимая руку в ответ на воинские приветствия. Может, его прародитель и состоял в родстве со скалами, но тело потомка об этом не знало. Алан предвкушал хоть какой-то отдых, но его ждало разочарование, принявшее образ Женевьев в роскошном, но не слишком идущем ей церемониальном наряде и с фамильным ожерельем Окделлов на белой шее. Рядом с матерью хмурился Дикон, с которым явно было что-то не так. Алан с недоумением уставился на свое семейство, супруга сочла уместным пояснить:

- Собирается Полный Совет.
- По чьему слову?
- Повелителя Волн.

Окделл поморщился. Этого еще не хватало! Что надо этому спесивому дураку? Другой бы на месте Придда забился после сегодняшнего позора под стол и не вылезал до первого снега, а Спрут созывает Совет... Неужто хватит совести снять с себя маршальскую

¹ Золотые, Седые, Бирюзовые и Багряные Земли — четыре материка, разделенные Полуночным, Холтийским и Померанцевым морями.

Талигойская баллада

цепь? Нет, вряд ли... Для этого довольно Совета Мечей¹, да и не таков Эктор, чтоб расписаться в собственной бездарности. Что же он затеял, собирая не только глав фамилий, но и их жен, наследников, всех Людей Чести, находящихся в пределах дневного конного перехода? Сколько же их сейчас в Кабитэле? В начале осады было человек восемьдесят, а сейчас? Затея маршала нравилась Окделлу все меньше и меньше, но он молча прошел к себе. Полный Совет требовал соответствующих одеяний.

Обычно Алан обходился без чужой помощи, но на сей раз кликнул слуг. Разрубленный Змей, как же он устал, как они все устали...

Затянутый в парадное платье герцог подал Женевьев руку, на которую та и оперлась, причем очень неудачно, задев место ушиба. Люди Чести терпят любую боль молча, к тому же жена не желала ему зла, и Алан ничего не сказал, только сжал зубы.

— Отец, — нарушил молчание Ричард, — а кошки после смерти возвращаются к своему повелителю?

— Кто тебе такое сказал? — быстро спросила Женевьев.

— Кэналииц. Барса убили. — Мальчик шмыгнул носом, но сдержался.

— Герцог Алва заходил к нам, — чужим голосом пояснила жена.

— Он сказал, что котенок теперь у своего хозяина и тот его никому в обиду больше не даст, — темно-серые глаза сына были очень серьезными, — это так?

Похоже на Рамиро. Утешить и при этом поставить весь мир с ног на голову. Хотя, если вдуматься, кому мешают кошки? Когда-то их считали священными. Почему то, чему прежде молились, объявили греховным? Мышь — символ мудрости и скромности... А то, что эта мудрость и скромность жрет чужой хлеб и разносит чуму, не важно?! Зато воюющие с грызунами и змеями грациозные и гордые зверьки стали прислужниками Чужого. Дескать, они охраняют врата Заката. Ну и пусть охраняют, жалко, что ли... Что же сказать Дикону? От необходимости отвечать герцога избавила жена.

— Никогда больше не говори о хозяине этих тварей, — в голосе Женевьев слышался страх, — слышишь?

¹ **Совет Мечей** — военный совет при особе короля; в него входят главы Великих Домов и их доверенные военачальники.

Вера Камша

— Да, — угрюмо кивнул сын, — мы ведь Люди Чести? Мы отличаемся от простых людей?

— Конечно. — Как хорошо, что сын заговорил о другом.

— Но Люди Чести раньше чтители кошек, — заявил сын, — я смотрел книгу Четверых. Ну ты, что дома, в библиотеке. Закат сторожили кошки, а ты мне говорил, что Окделлы — дети Заката и Полуночи.

Он прав. И Рамиро прав. Нельзя жить между «вчера» и «сегодня». Или носи медальоны с забытыми знаками, или бойся кошек и их зеленоглазого господина. Да какие там кошки, «истинники» — вот кто по-настоящему опасен!

— Мы с тобой поговорит об этом позже. — Он тоже смотрел книгу Четырех, там были красивые картинки, сейчас так не рисуют, но вот язык, на котором это написано... За восемь сотен лет половина слов стала непонятной.

— Мы правда поговорим? — уточнил сын. — Клянешься Честью?

— Клянусь.

2

Лицо Эрнани не выражало ничего — серая маска, безнадежная, как осенний дождь. За спиной короля тускло блеснул знаменитый меч Раканов, привезенный Эрнани Святым из древней Гальтары. Предки Эрнани повелевали всеми Золотыми землями, но былое величие ушло, как уходит в песок вода... или кровь.

Приглашенные чинно занимали места на крытых сукном скамьях. Никакого железа — атлас, бархат и шелк, как в мирные времена, когда все доверяют всем... Алан учтиво подвел Женевьев к скамье, на которой сидели женщины Дома Скал, и занял свое место за столом. Он пришел последним, хотя из двадцати кресел пустовало семь. Семь некогда избранных родов исчезли с лица земли; вернее, девять, потому что Алва не были истинными Повелителями Ветров, а нынешние Ариго унаследовали титул лишь при Эрнани Четвертом.

— Люди Чести, — голос короля был столь же невыразителен, как и его лицо, — глава Дома Волн Эктор Придд по праву Чести потребовал собрать Полный Совет. Я, Эрнани из рода Раканов, подтверждаю законность его требований. Пусть говорит.

Талигойская баллада

— Пусть говорит. — В голосе Шарля Эпинэ сквозило презрение.
— Пусть говорит. — Генрих Гонт, как всегда, ничего не понимал.
— Пусть говорит. — Алан произнес освященную обычаем фразу, пытаясь понять, что же ему так не нравится. Эрнани явно болен, однако дело не в этом.

— Пусть говорит. — Голос Алвы звучал лениво и равнодушно, в нем не осталось и следа утренней горячности.

Алан украдкой взглянул на женскую скамью, где виднелась одинокая фигурка в синем. Срок Октавии близок, ночные бдения вряд ли пойдут ей на пользу.

— Пусть говорит, — буркнул Огюстен Дорак, с весны называвший маршала не иначе как каракатицей.

— Пусть говорит... Пусть говорит... Пусть говорит...

Что-то происходит, что-то скверное. Окделл поймал взгляд Эпинэ — глава Дома Молний казался удивленным и раздраженным, не более того, а с места, где сидел Алан, ни фок Варзов, ни Савиньяка не разглядишь.

— Я говорю свое Слово и обращаюсь к Чести и Памяти. — Придд держался уверенно, чтобы не сказать нагло. Он отнюдь не походил на человека, допустившего чудовищный промах, с трудом исправленный другими. — Я, глава Дома Волн и маршал Талигойи, с болью и горечью объявляю, что силы нашего возлюбленного короля Эрнани истощены и он просит Высокий Совет принять на свои плечи заботу о государстве.

Недуг сразил короля в тяжелый час, мы осаждены сильным и коварным врагом, простонародье, подстрекаемое изменниками, отвернулось от нас. У нас нет надежды на победу, но честь выше смерти. Мы не сдадим Кабитэлу! Да, мы умрем, но умрем, как должно умереть потомкам владык Золотых Земель. Наши жены и дети разделят нашу судьбу, но, прежде чем пробьет наш час, мы обогрим наши мечи кровью ублюдков. Небеса надолго запомнят наш последний бой!

Что он несет! Разрубленный Змей, что он несет?!

— Ты лжешь! — сверкнул глазами Шарло, и государь положил на плечо Повелителя Молний бледную руку. — Король здоров!

— Нет, герцог, — прошелестел Эрнани, — я болен и не могу отвечать за доверившихся мне. Вокруг — измена, Кабитэла не с нами, она против нас. Нам придется выбирать между по-

Вера Камша

четной гибелью, смертью от голода и признанием своего поражения, а значит, выбора у нас нет.

— Есть! — Эпинэ не собирался сдаваться. — Выгоним взашей ненадежных, договоримся с бастардом, чтобы он отпустил женщин и детей. Он согласится, а мы.. Мы — воины! Мы или прорвемся в Гальтару, или умрем, но сделав все, что возможно.

— Люди Чести раз и навсегда отреклись от демонов Гальтары. — Ариго были кровными вассалами Эпинэ, только кансилльер не может перечить королю.

— Мы говорим не о том. — Карлион принадлежал к Дому Скал, но его жена была сестрой Придда. — Нужно принять отречение и избрать регента.

— Называю Алана Окделла, — раздельно произнес Михаэль фок Варзов. Старый рыцарь принадлежал к Дому Волн, но сегодня, похоже, умерла еще одна традиция — кровные вассалы один за другим отрекались от своих Повелителей.

— Называю Эктора Придда. — Карлион никогда не спорит с Кунигундой.

— Придд, — тихо и внятно произнес кансилльер.

— Придд! — рявкнул Генрих Гонт.

— Молчу. — Алан изо всех сил сохранял спокойствие. Все случилось слишком быстро, но почему Эрнани их не предупредил?

— Окделл, — бросил Савиньяк.

— Придд, — Тристрам всегда ненавидел своего сюзерена, но зарычал на него впервые.

— Окделл! — рявкнул глуховатый Дорак и тоном ниже добавил: — Только каракатицы нам и не хватало.

— Молчу, — пожал плечами Алва, играя сапфировой цепью. Кэналиец прав — тот, кого поддержит полукровка, больше проиграет, чем выиграет.

— Окделл! — весело выкрикнул Шарло.

— Молчу, — Берхайм внимательно рассматривал свой перстень. И на том спасибо.

— Окделл, — Роберт Рокслей не имел обыкновения предавать.

— Придд!

Алану показалось, что он ослышался. Никогда еще рыцарь не называл сам себя! Нет, напрямую это не запрещалось, зачем запрещать то, от чего и так удержит честь?

Талигойская баллада

— Вы удивлены, — Эктор счел уместным объяснить свой жест, — но я маршал Талигойи, и я знаю, что делать. Я не уроню нашей чести.

— Закатные твари! — крикнул Арсен Савиньяк. — Конечно, не уроните, нельзя уронить то, чего нет!

— Спокойно! — голос Михаэля фок Варзов мог перекрыть и грохот боя, и шум самой отчаянной пирушки. — Слово короля!

Эрнани медленно, словно не понимая, что от него требуется, поднял голову и тихо сказал:

— Придд!

— Трое из нас промолчали, — Ариго старался выглядеть беспристрастно, — пятеро назвали Алана Окделла, пятеро Эктора Придда, его же имя произнес король. Люди Чести, признаете ли вы маршала Придда регентом Талигойи до конца войны? Есть ли среди вас готовые оспорить его избрание?

Таких не нашлось и не могло найтись. Закон не был нарушен, а король молчит. Если б кто-то из членов совета схватился за меч, возможно, у него и нашлись бы сторонники, но отступничество Эрнани выбило почву из-под ног даже у Эпинэ. Алан, словно в затянувшемся дурном сне, смотрел, как поднялся новоявленный регент, будто бы ставший еще выше ростом.

— Я не сомневался в сердцах Людей Чести. Нам некуда отступать, но мы...

Мимо проплыла маленькая серая бабочка — во дворце их было много, говорят, они зарождаются в старых тканях. Окделл невольно проследил глазами за живой пылинкой и увидел мелькнувшего на хорах арбалетчика в фиолетовом! Цвета Приддов. Возможно, кансильер с маршалом и верили в сердца Людей Чести, но на всякий случай приготовили дополнительные доводы.

— Я должен сообщить вам, — трубил маршал, — что я сделал с посланцем бастарда. Я повесил его на Песьей башне и с ним рядом два десятка гайицефов...

— Повесили? — подался вперед Дорак. — Когда?

— По дороге сюда.

— Бастард написал маршалу Придду лично?

— Какое это имеет значение?

— Для Людей Чести огромное. — Старик поднялся и внимательно и строго обвел взглядом зал Совета. — *«Нет большего*

позора, чем стать ниже врага своего, — процитировал он рыцарский кодекс. — *Нет большего оскорбления, кое может нанести вассал своему сюзерену, нежели действовать от его имени, не имея на то должных полномочий*». Вы еще не были регентом, Придд, когда казнили посла, ваш поступок опозорил всех Людей Чести. Я прошу Высокий Совет спросить регента, кому предназначалось письмо и где оно?

— На шее у посла. — Эктор огрызнулся, но в его голосе сквозила неуверенность. — Если угодно... Ублюдок требовал в четырехдневный срок сдать крепость и признать его королем.

— Что ж, — по-прежнему тихо произнес Эрнани, но его услышали все, — теперь дело за малым. Бастард ждет ответа. Кто из Людей Чести объяснит бастарду, как станут талигойскими королями? Эктор Придд? Вы повесили посла, будет справедливо, если вы его замените.

— Слишком много чести! — регент старался говорить с презрением, но крепкая шея побагровела.

— К тому же, — вставил доселе молчавший Рамиро Алва, — жизнь регента слишком ценна для Талигойи, не правда ли? Поговорить по душам с Бездомным Королем должен тот, кого никому не будет жаль.

Ноздри Эктора раздувались, как у загнанного тяжеловоза, но что отвечать, он не знал. Кэналлиец откровенно нарывался на ссору, Придд ссоры не хотел, понимая, что поединок с Рамиро превратит его из победителя в труп. Высокий Совет ничем не мог помочь своему избраннику — обычай был на стороне полукровки. Подобные оскорбления смывают кровью в присутствии свидетелей. Пустит в ход арбалеты? Вряд ли... Его и так поддержали, а стрелков лучше приберечь на будущее.

Алан смотрел на дерзко улыбающегося южанина. Алва прикончит Придда, но не может же он перебить всех его сторонников! Место Эктора займет Ариго, только и всего. Отречение Эрнани обратного хода не имеет. До конца осады король не правит, а лишь царствует, осада же закончится со смертью последнего из осажденных. Плетью обуха не перешибешь, это понимает даже Эпинэ.

Затянувшееся молчание прервал король.

— Вы правы, герцог. Маршал Придд и Бездомный Король вряд ли поймут друг друга. Мне одинаково дороги все Люди

Талигойская баллада

Чести, но вы уже встречались с бастардом и вернулись. Я могу лишь просить, и я прошу вас поговорить с ним еще раз.

— Просьба короля — закон для Человека Чести, — поклонился Рамиро, — вне зависимости от того, правит он или только царствует. Не правда ли, Придд? Я полагаю, Высокий Совет захочет посмотреть на нашу встречу?

— Это неправильно! — Эпинэ и так терпел слишком долго. — Ответ должен передать тот, кто приказал повесить посла. Рыцарь отвечает за свои поступки сам, а не прячется за чужими спинами.

— Пустое, — кэналиец улыбнулся, но на сей раз без своей обычной иронии. — Олар — воспитанный человек, он знает, как обходиться с парламентаром. Наш незаконнорожденный друг не желает выглядеть заходящимся от бессильной ярости дураком.

— И все равно я как член Высокого Совета требую, чтобы Рамиро Алва остался здесь. Если на то пошло, чем быстрее убьют Придда, тем дольше проживем мы все!

— Герцог Эпинэ, — Эрнани Ракан стукнул кулаком по столу, пожалуй, впервые за свои сорок восемь лет, — замолчите! Герцога Алва никто не неволит; если он откажется, Высокий Совет подумает над вашим предложением.

— Зачем мне отказываться от своих слов? — пожал плечами кэналиец. — Если у марагонца есть хоть капля ума и гордости, он меня и пальцем не тронет. Ну а если что-то пойдет не так, герцог Эпинэ помянет меня в каких-нибудь молитвах.

3

...Все повторялось. Точно так же распахнулись ворота Полуденной башни, пропуская всадника в черном и синем. Точно так же посреди вытоптанного поля его ждал широкоплечий воин на могучем коне. Точно так же в лагере Оллара реяли знамена с Победителем Дракона, а с Королевской башни за встречей следили Эрнани Талигойский и его рыцари, среди которых был и Алан Окделл. Точно так же не было надежды. Никакой.

Единственным отличием было то, что и Бездомный Король, и властитель Кэналлоа сняли шлемы. С высоты в сорок бье¹

¹ Один бье равен примерно 30 см.

Вера Камша

лицá бастарда было не разглядеть, и Алану внезапно мучительно захотелось увидеть, каков с виду их будущий палач.

Оллар и Алва немного поговорили, затем Рамиро повернул коня. Ветер швырялся пылью, рвал с деревьев еще зеленые листья, трепал черные волосы кэналлийского собрано, треугольные флаги, хвосты и гривы коней.

Эрнани повернулся к Алану.

— Вам не кажется, что все повторяется?

— Я как раз думал об этом.

— Мне бы хотелось, чтобы мы всегда думали одинаково. Я не сразу решил, кому поручить столь щекотливое дело, но вы слишком прямодушны, Дорак стар, а Эпинэ излишне горяч.

— Да, — встрял Эктор Придд, — Человек Чести вряд ли смог бы стерпеть оскорбления ничтожного бастарда.

— Три месяца назад на этом самом месте вы их терпели, — сверкнул глазами Эрнани. — Оллару ответил лишь Алва.

— Ублюдку следовало об этом напомнить. — Генрих Гонт никогда не блистал умом. — Правильно, что ответ отвез именно кэналиец.

Эктор гордо промолчал. Если б маршалу предложили выбирать между головой Бездомного Короля и головой Рамиро, он выбрал бы последнюю. Ревнив, как побитый молью ростовщик, женатый на танцовщице, — так, кажется, говорит Савиньяк..

Стражники раздвинули копыя, пропуская вернувшегося посла. Смуглое лицо Алвы было невозмутимым.

— Вы передали письмо бастарду, герцог?

— Я исполнил приказ моего короля. Франциск Оллар получил то, что хотел.

— Благодарю вас, Алва. Вы оказали мне и Талигойе неоценимую услугу. Я и впредь рассчитываю на вашу руку и вашу голову. Проводите меня. Все свободны. Алан, Шарль, призываю вас к благоразумию. Мы еще не побеждены. Прощайте, господа. Доброй ночи.

Эрнани тяжело поднялся и оперся на руку кэналийца. Рядом с южанином Эрнани казался серой тенью, тенью того, что исчезало навсегда. Если ничего не предпринять, они все исчезнут, больные и здоровые, старые и молодые, чистокровные и не очень. Если ничего не предпринять... Но что они, во имя Создателя, Четверых, Леворукого с его кошками, могут сделать? Что?!



ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Кони мотают мордами.
Всадники мертвые.

1

Когда в казармы ворвалась Женевьев, проведенный всю ночь на стенах Алан не сразу понял, что случилось, а случилась беда. Адепты Истины поймали на площади у комендантского дома котенка и, как это у них водится, принялись избивать своими посохами. Но страшным было не это, а то, что восьмилетний сын и наследник Окделлов ударил одного из проповедников кинжалом в спину и, похоже, убил. Герцог бросился к двери, но она оказалась заперта — верные слуги спасали господина то ли от гнева сбежавшей толпы, то ли от святотатства. Поняв, что высадить дубовое чудовище не удастся, Алан кинулся к окну. Он мог видеть, что творится внизу, но высота в полсотни бье и кованая решетка не позволяли броситься на помощь. Женевьев вцепилась ему в плечо, он этого не заметил. Там, внизу, непонятно откуда взявшаяся толпа готовилась растерзать его сына, а он ничего не мог сделать.

В странном оцепенении Повелитель Скал смотрел на сжимающего кинжал мальчика в центре стягивающегося кольца. И это в Новом городе, который он, герцог Окделл, защищает! Где его люди?! На стенах? В таверне? Живы ли? Как забрали такую власть фанатики в серых балахонах? Откуда столько злобы?

Вера Камша

Просвистел брошенный кем-то камень, и Алан вздрогнул, словно целили в него, хотя, будь это так, он держался бы лучше. За первым булыжником полетел второй, третий. Истинник неистовствовал, размахивая своим посохом и призывая кары небесные на головы пособников Врага. Пока камни цели не достигали, но лишь пока...

— Прочь! Квальдэто цэра!¹

...Алан не понял, откуда вынырнул Рамиро Алва со своими рубаками, зато кэналлиец понял все. Южане обнажили клинки и рванулись сквозь толпу с яростью вепрей. Они, как и в день гайифского бунта, шли клином, прикрывая друг друга, и впереди всех рубился Рамиро. Несколько рук со все еще зажатými в них камнями упали на землю, растрепанная баба взмыла в воздух и, пролетев пару шагов, врезалась в необъятное мужское брюхо, которое сделало бы честь любой беременной. Кто-то рассыпал непонятно откуда взявшиеся зеленые яблоки, и они, подскакивая, покатались по испятнанной кровью мостовой. Толпа зарычала и расступилась, на грязных камнях остались наследник Повелителя Скал, скребущий булыжники котенок, два проповедника, живой и мертвый, да герцог Алва с окровавленным мечом.

— Ты что-то говорил о проклятой крови и демонах? — Рамиро ухмылялся не хуже Повелителя Кошек. — И, кажется, я расслышал имя его величества?

— Горе чтящему древних демонов! — взвыл торквинианец, потрясая посохом. — Будет повержен он и...

Растрепанная голова с так и не закрывшимся ртом покати-лась, будто еще одно чудовищное яблоко. Туловище в сером балахоне рухнуло рядом с затихшим котенком. Все замерло. Сейчас они или схватятся за колья, или разбегутся.

Рамиро Алва пнул ногой убитого и засмеялся.

— Если меня сейчас не убьет молнией, значит, я прикончил не святого, а бунтовщика и вражеского подсыла.

Окделл невольно поднял глаза — небо было высоким, синим и равнодушным. Высшим силам не было дела ни до «истинников», ни до котят.

¹ Кэналлийское проклятие.

Талигойская баллада

— Прекрасно, — голос кэналлийца вернул Алана на землю, — Создателем я оправдан. А теперь считаю до ста. Если здесь кто-то останется, пеняйте на себя. Мои лучники не промахиваются.

Словно в ответ, что-то свистнуло, и стрела с черным оперением пригвоздила мертвую голову к земле, угодив в щель между двух булыжников. Окделл поднял глаза и увидел на крыше стрелка в синем и черном. Видимо, вверх посмотрели многие, так как толпа стала стремительно редеть. Алва подошел к Дикону и взял было его за руку, но потом наклонился и поднял казавшегося тряпичным котенка. Мальчик что-то сказал герцогу, тот в ответ покачал головой — мол, ничего нельзя сделать. Лишь сейчас Алан понял, что его запястье все еще сжимают пальцы жены.

— Хвала Четверым, — Женевьев была слишком взволнована, чтобы следить за своими словами, — обошлось...

Именно что обошлось. Чудом. И чудо это опять сотворил кэналлийский полукровка, не задумываясь рубящий руки и головы. Кровь на юге стоит дешевле воды, не говоря уж о вине.

В Доре у «милосердников» настырно зазвонили колокола, призывая всех чтящих и ожидающих на вечернюю службу. Они что там, с ума сошли, сейчас нет и трех! Еще и труба запела... Разрубленный Змей! Алан с трудом разлепил глаза и не сразу им поверил. Не было ни Нижнего города, ни Женевьев, он лежал в собственной спальне, а за окном в самом деле звонили к вечерне. Да, разумеется, они же оставили город и затворились в Цитадели. Как глупо...

Выходит, ему все приснилось — «истинники», сжимающий кинжал Дикон, умирающий котенок, забрызганный чужой кровью Алва. Мерзкий сон, хоть и очень похожий на правду... Алан вздохнул и сел на постели, кое-как пригладив волосы. Как же он вчера устал, если не снял даже сапог, но нужно встать и что-то делать, пока Придд и его приспешники не угробили всё и вся...

Повелитель Скал не понял, что именно его насторожило, но в спальне кто-то был! После вчерашнего можно было ожидать всего, в том числе и убийства. Регент явно не прочь избавиться от Окделла, Эпинэ и Алвы. Алан вскочил и тут же увидел отделившуюся от стены высокую фигуру.

Времени выяснять, кто и зачем к нему явился, не было, Окделл выхватил меч и бросился вперед. Незнакомец легко отбил удар и звонко расхохотался. Леворукий! Алан сразу его узнал, хотя Повелитель Кошек мало походил на демона, разве что глаза у него и впрямь были зелеными и чуть раскосыми, как у подвластных ему ночных тварей. Враг не стал атаковать. Не убирая меча, он прислонился к стене, с веселым любопытством разглядывая противника.

Странное дело, перед Аланом Окделлом было первородное Зло, но герцог не чувствовал ненависти, напротив, демон чем-то ему нравился. Только почему Леворукий ему показался веселым? Да, он улыбается, дразня ровными белоснежными зубами, но глаза не смеются, совсем не смеются.

— Чего ты ждешь от меня, Алан Окделл? — Повелитель Кошек вбросил меч в ножны и скрестил руки на груди. — Ты знаешь все. Выбор за тобой. Свободен ты или раб, решать тебе и только тебе.

— Я не жду от тебя ничего. — Почему так обидно? — И я тебя не звал.

— Звал. Потому что не можешь выбрать. Вернее, ты знаешь, что должен сделать, но ты сам связал себе ноги и повесил на шею камень. Сбрось его и иди вперед и вверх. Или оставь как есть и прыгай в омут.

— Камень? Какой камень?! — Повелитель Скал опустил глаза и увидел огромный бульжник, висевший на рыцарской цепи, ставшей толще раза в три. Так вот почему ему так тяжело...

«Честь истинного талигойца можно было бы уподобить бриллианту, если б земля могла рождать камни подобающей чистоты и размера. Честь истинного талигойца висит у него на шее, подобно рыцарской цепи, и нет потери горше, нежели потеря оной».

— Ты прав, — Леворукий вновь смеялся, — я говорю о твоей чести. Мертвой чести. Каменной чести. Глупой чести. Она мешает тебе, ведь твое сердце зовет тебя в иные дали.

Иные дали? Что там? Ветер в лицо, грохот вечно бьющихся о скалы волн, сверканье молний. Приближается гроза, нужно укрыться, отчего же ему не хочется уходить, а камень и впрямь мешает. Камень или честь?

Талигойская баллада

Свет дробится о грани бриллианта. Бриллианта, в сравнении с которым знаменитое «Сердце Полудня» кажется жалкой галечкой. Бросить это?! Игра красок завораживает. Зеленоглазый лукав... Он сбивает рыцарей с прямой дороги на кривые темные тропы и смеется; он всегда смеется. Это его проклятье — Враг не может плакать, лишь смеяться, он не может миловать — лишь карать, он не может любить — лишь ненавидеть, он бессмертен, но «страшнее смерти жизнь его и тех, кого он избирает своими спутниками».

— Ты хочешь, чтобы я пошел за тобой?

— Нет. Мои пути не назовешь счастливыми, и вам, людям, ими не пройти.

— Что же тебе нужно?

— Ничего. — Ворвавшийся в окно закатный ветер растрепал золотистые волосы. — Спроси свою совесть, *что* нужно тебе, и постарайся не лгать. Хотя бы себе самому.

Не лгать себе? Он, Алан Окделл, всегда был верен чести. Но что может знать о чести Леворукий? Покровитель предателей и сам предатель, тварь, единственная радость которой — морочить людей и сбивать их с праведного пути...

— Алан! — Шарло Эпинэ тряс его за плечо. — Не стоит спать на солнце, да еще после боя. Демоны приснятся...

— Уже, — хмыкнул Окделл, — и не какие-нибудь, а Повелитель Кошек собственной персоной.

Приснится же такое! Значит, город пока еще в их руках, хорошо бы и вчерашний Совет оказался сном.

— Шарло, скажи, только честно, ты мне не снишься?

— Нет вроде бы, — утешил Эпинэ. — Ну и о чем с тобой говорил Леворукий? Он в самом деле левша и носит красное и черное, или это вранье?

— Меч он держал в правой, — нехотя буркнул Окделл, — и был в красном... Сапоги у него, кажется, черные.

— Страшно было?

— Нет... Глупо, не могу отделаться от мысли, что он сказал что-то важное. Вернее, это я во сне понял, что не понимал наяву...

— Прости, что разбудил, но спать лучше в тени, а еще лучше в собственной постели. А то не только Зеленоглазого уви-

Вера Камша

дишь, но и Создателя верхом на крысе. Слушай, раз уж ты проснулся... Что будем делать с Приддом?

- А я-то надеялся, мне его регентство почудилось.
- Если бы! Не знаешь, где Алва?
- На укреплениях?
- Нет его ни там, ни у Октавии, а ей уже совсем пора...
- Думаешь, Придд?
- Ну не кошатник же твой!

2

Кэналлиец исчез. Алан не представлял, что Алва может долго оставить жену, но Октавия была убеждена: ее герцог на стенах. Окделл не стал пугать молодую женщину, хотя надежда на то, что они когда-нибудь вновь услышат смех Рамиро, стремительно таяла. Спрашивать у регента или кансильера не имело смысла — если Придд и Ариго приложили руку к исчезновению южанина, концов не найдешь. Регент рассудил верно — убей Алву и спи спокойно... Пока тебя не проглотит мараговец. Даже напшой Окделл с Эпинэ на свою честь и прикончи обнаглевшего Спруга, Талигойю без Алвы не спасти.

Шарло и Алан рыскали по самым глухим закоулкам, распугивая кошек и крыс, но ничего не находили. Глубокой ночью они сдались. Шарло пошелел на стены, Алан, умирая от усталости, добрался до Обителю Скал, рухнул на постель и провалился во тьму, из которой его вырвали голоса Михаэля фок Варзов и оруженосца. С трудом всплыв на поверхность сонного озера, Окделл уставился на непроницаемое лицо старого рыцаря.

- Что-то случилось? Рамиро?!
- Да, но не то, что вы думаете. Герцог Алва жив... Алан, он сдал город и Цитадель Оллару...
- Нет!
- Придд и Ариго убиты. Собирайтесь, нужно успеть!
- Да-да, сейчас...

Сдал Кабитэлу?! Как ему удалось, хотя что удивляться? Кэналлиец знал город, как свои пять пальцев. С бастардом они, надо полагать, сговорились, когда Алва отвозил письмо.

Талигойская баллада

Да, все сходится... Эрнани под арбалетными стрелами выбрал «вчера», Рамиро — «завтра», а что делать ему, Алану Окделлу?!

— Чего вы хотите от меня?

— Помогите спасти королеву и наследника. Прочих Бездомный вряд ли тронет, но юный Ракан живым ему не нужен. Шевелитесь, нужно успеть.

Они успели. Королева, совершенно одетая, с сухими красными глазами, сидела на молельной скамье, вцепившись в руку наследного принца. В который раз за последние безумные дни Алану показалось, что он спит, только сон, каким бы дрянным он ни был, никогда не перещеголяет явь. Где-то что-то горело, едкий дым просачивался в молельню ее величества, выедавая глаза. За окнами явственно слышался шум приближающегося боя — кое-кто из защитников Цитадели предпочел умереть, но не сложить оружия.

— Ваше величество, мы с герцогом Окделлом имеем честь сопровождать вас в Агарис. — Граф фок Варзов не утратил своей обычной церемонности.

Вот как... В Агарис! А ты что думал? Что убьешь парочку выскочек, посадишь королеву в портшез и вернешься домой? Ты не влюбленный мальчик, чтобы часами прощаться с женой. И, потом, Михаэль прав — Женевьев и Дикону ничего не грозит.

— Я счастлив служить вашему величеству.

Губы Бланш дрожали, но она нашла в себе силы поблагодарить. Во дворе что-то зашумело, раздался крик — Рамиро и Бездомный Король времени зря не тратили. Любопытно, как отсюда попасть в Агарис? Вряд ли их с Михаэлем мечей хватит, чтобы вырваться из города.

Королева подошла к старинному алтарю, где омываемый волнами Света Создатель хмуро взирал на двоих рыцарей, преждевременно увядающую женщину и бледного, пухлого мальчика. Неужели будет молиться?

Бланш преклонила колени перед алтарем, и одна из плит пола опустилась, открывая квадратный люк. Как же он забыл о знаменитой «Дороге королев»? Михаэль затеплил светильник и начал спускаться, королева с принцем последовали за стариком, Алану выпало замыкать шествие.

Вера Камша

Ход казался запущенным, но безопасным. Это в подземельях Гальтары бродят потомки изначальных тварей; там текут подземные реки, там расположен алтарь Четверых, ждущий жертв во славу Золотой империи и ее владык. К счастью, в Кабитэле нет места магии, не считать же за таковую человеческие подлость и хитрость.

Они шли, соразмеряя свои шаги с шагами женщины и ребенка, лужица света омывала серые камни, иногда в главный тоннель вливались боковые, но основной путь был отмечен особыми знаками.

Рамиро убил Придда... Был поединок, или регенту снесли голову, как безымянному гайицу в шлеме с птичьей головой? Интересно, с кем Эпинэ и Савиньяк? Где они? Где Эрнани? Как Михаэль узнал о предательстве?

Еще один поворот, пятый или шестой, Алан не следил. Казалось, он идет целую вечность, видя впереди пыхтящего мальчишку и головной убор королевы, которому светильник Михаэля придает сходство с нимбом. Есть ли у них деньги? Без золота до Агариса не добраться, хотя королева несет какой-то сверток... Женщина всегда помнит то, о чем мужчины забывают, но в Агарис он не поедет. Он поможет Михаэлю найти лошадей и вернется. Место герцога Окделла в Талигойе, он не желает становиться изгнанником. Да, будет трудно, но Бездомный Король лучше бунтующих толп и озверевших «истинников».

Коридор сменился пологой лестницей, в свою очередь упершейся в стену, на которой красовался герб Раканов. Королева вновь что-то нажала, открывая проход. Было совсем светло, и с высоты холма, на котором оказались беглецы, открывался вид на дорогу, спускающиеся к реке огороды, какую-то деревню.

Они выбрались наружу, и Бланш тяжело опустилась на нагретый осенним солнцем валун, властным движением указав спутникам на соседние камни. Она не была красавицей, бывшая талигойская королева, но ее величия хватило бы на нескольких государынь.

— В придорожной гостинице должны быть лошади, — нарушил молчание Михаэль.

Талигойская баллада

— Не сомневаюсь. — Разрубленный Змей, это все-таки не сон! — Ваше величество, после того как мы договоримся с хозяином лошадей, я попрошу у моей королевы разрешения ее покинуть.

— Разумеется, герцог. — Глаза Бланш Ракан нехорошо блеснули. — Теперь я спокойна — мой супруг и маршал Придд будут отпущены.

Он не ослышался? Эрнани мертвы! Алану и в голову не могло прийти, что Михаэль скроет смерть короля и скажет про маршала. А он-то решил, что Эрнани в плену, — фок Варзов так уверенно говорил, что бастард никого не тронет...

— Ваше величество... Я не знал...

— Вот как? — голос королевы стал жестким. — В таком случае узнайте, что Алва продал нас марагонскому ублюдку и убил своего короля. Сперва короля, потом — регента! Теперь он талигойский маршал! Цареубийца и предатель!

— Михаэль, — Леворукий, сделай, чтобы это было не так, и я отдам тебе душу, — это правда?

— Увы, — вздохнул старый рыцарь, — Эрнани мертвы, заколот... Я видел его. Смерть была легкой.

— Это сделал Рамиро?

— Трудно сказать. Он был у его величества, и он последним из известных нам людей видел его живым, но это ничего не доказывает.

Для Михаэля — возможно. Старик не был в Старом городе во время бунта и не видел, как кэналлиец убивает.

— Ваше величество, клянусь, что убийца, кем бы он ни был, не уйдет. Моя королева откроет мне дверь?

— Да пребудет над вами мое благословенье, герцог! Вам нет нужды возвращаться в мою молельню — у развилки, помеченной тройной короной, сверните направо. Вы попадете в королевскую приемную. Чтобы выйти наружу, достаточно прижать медную стрелку и, когда она уйдет в камень, толкнуть дверь.

Дорога назад тянулась и тянулась, но кончилась и она. Алан, собираясь с силами, прислонился к сырому шероховатому камню. Если нажать короткую блестящую стрелку, пути назад не будет! Сейчас еще можно уйти, в конце концов, все уже случилось,

ничего не изменить! Да, он может уйти, но не уйдет, потому что подлость и предательство не должны оставаться безнаказанными. Не должны, иначе зачем жить, дышать, надеяться?! Что он скажет Дикону? Что клятвы существуют для того, чтобы их нарушать, цель оправдывает средства, а удары в чужие спины лучше не замечать? А ведь он едва не пошел за человеком, для которого нет никаких запретов. Маршал Талигойи... Разрубленный Змей!

Придд оказался прав, а они с Шарло ошибались, признав морисского выродка своим. Алва обманул всех — и хитрых, и бесхитростных. Вдвоем с Бездомным Королем они не просто подомнут Талигойю, они пройдут от Багряных Земель до Полуночного моря, основав на месте бывлой Золотой империи королевство подлости. Этих двоих нужно остановить, и он, Алан Окделл, сделает это! Лучше никакое «сегодня», чем кровавое завтра.

Повелитель Скал просчитал до шестнадцати и нажал на медную пластинку, которая сразу же поддалась.

3

Приемная Эрнани не походила сама на себя. Чужаки в разномастных доспехах пилились на гобелены, примеряли к руке королевское оружие, громко переговаривались и хохотали. Они чувствовали себя хозяевами. Закатные твари, да они и были хозяевами! Время Эрнани, время негромких разговоров и приглушенного света, ушло. Алан почувствовал себя совой, вытащенной из дупла и оказавшейся на ярком солнце среди наглых дневных птиц.

— Еще один!

Кто-то рыжий и крепкий, с похожим на огурец носом, рванулся к нему, выхватывая меч и одновременно подавая знак своим людям.

— Оставьте. — Негромкого оклика оказалось довольно. Рыжий нехотя отступил, и Алан увидел Рамиро. Изменник был без доспехов, его голову и левую руку украшали свежие повязки; надо полагать, во время уличного боя он, по своему обыкновению, дрался в первых рядах.

Кэналлиец был здесь своим... Не просто своим — чужаки признали в нем вожака. Все они, не раз сменившие хозяев, не-

Талигойская баллада

навидевшие старую знать и мечтавшие с ней сравняться, приняли предателя в свою стаю. Хотя для сторонников бастарда Алва был не предателем, а волком-одиночкой, сперва доказавшим свою силу в схватке с Франциском, а потом открывшим городские ворота. Для захватчиков это не подлость, а подвиг. Что значит для них смерть Эрнани?! Эрнани, возвысившего полукровку и тем самым подписавшего смертный приговор себе и Талигойе. Бедный Эрнани, счастливый Эрнани — он не видит, как по его дворцу бродят довольные собой ублюдки.

— Откуда вы выскочили, Алан? — Разрубленный Змей! У него хватает наглости не опускать глаз. — Надо заметить, время и место весьма неудачные; если б меня тут не оказалось, у вас были бы неприятности.

— Но вы тут, так что я оказался именно там и тогда, где хотел.

— Я рад. — Алва ослепительно улыбнулся. Так вот отчего ухмылка Зеленоглазого казалась такой знакомой. Сон был пророческим, просто он его не понял... — Не думаю, что вам так уж хочется видеть Оллара. Ступайте к герцогине, я дам вам провожатых, а вечером мы все обсудим.

«Все обсудим?» Нечего им больше обсуждать. Нечего! Убийца и предатель, у которого хватает наглости делать вид, что ничего не случилось. Хотя откуда у этой твари совесть?! «Не поворачивайся спиной к мориску!» А они повернулись, и Эрнани, и Шарло, и он сам... Приняли выродка за Человека Чести!

— Ответьте только на один вопрос. Я знаю, Эрнани мертв. Его убили вы?

— Не здесь. — На точеном лице проступила досада. — Его убил я, но...

Кинжал Алана не дал убийце закончить. В черных глазах мелькнуло удивление и... и что-то еще. Не страх, не боль и не раскаянье... Зажимая рукой рану, Алва, шатаясь, опустился на ковер, алая ткань сливалась с кровью, делая ее незаметной. Казалось, герцог просто прилег отдохнуть.

— Алан, — Рамиро заговорил быстро, глотая слова, — вы глупец... Эрнани... Неважно... Главное, что... — Он осекся на полуслове, давешний здоровяк навалился на Окделла, заламывая ему руки, и почти сразу же раздался властный голос:

Вера Камша

— Что тут происходит?!

Франциск Оллар не мог бы выбрать для своего появления более уместного момента. Среднего роста, коренастый и очень сильный, он вошел в приемную Раканов, как входят к себе домой. Чтобы понять, в чем дело, бастарду хватило одного взгляда.

— Вижу!

Не обращая внимания ни на кого, мараговец опустился на одно колено перед Рамиро и взял его за руку.

— Вы — Первый маршал Талига и герцог Кэналлоа.

— Нет, Франциск, — Алва все-таки улыбнулся, — я мертвец... Неплохой маршал выйдет из Эпинэ... если вы его укротите... Вернее, убедите, что Талигойя не кончилась, а начинается... Савиньяк тоже неплох... Берхайм — дурак, Карлион и Гонт — тем более...

— Я поговорю с Эпинэ. — Голос нового короля был уверенным и спокойным. — Что я могу сделать для вас?

— Моя жена... и ребенок... Он должен вот-вот родиться... Отродью предателя придется несладко...

— Первый маршал Талига не может быть предателем.

— Не может... но есть, — губы кэналлийца искривила последняя в его жизни усмешка, — однако я... не жалею... почти...

Оллар сорвал с плеч плащ, накрыл убитого и повернулся к своим людям.

— Как это было?

Высокий человек грубоватой наружности выступил вперед.

— Мой государь... — Алан вздрогнул, поняв, что эти слова обращены к плотному молодому человеку с круглыми птичьими глазами. Старый мир кончился, ушел в никуда вместе с Эрнани, все остальное не имело никакого смысла, ему, по крайней мере, среди живых места не было.

— Мой государь, Алва ждал вас, мы с ним говорили обо всех этих странностях с крысами и о том, как воюют на юге. Потом откуда-то выскочил вот этот, — рассказчик отнюдь не придворным жестом кивнул на Окделла. — Мánрик велел его взять, Алва сказал, что не нужно, и пошел к нему. Мы подумали, они друзья, а он... Он ударил кинжалом. Ну, Манрик его схватил, только поздно было.

Талигойская баллада

— Убийца не сопротивлялся?

— Нет.

Оллар повернулся к Алану.

— Что вы скажете в свое оправдание?

— Убить изменника — долг Человека Чести! Мне не в чем оправдываться, тем более перед узурпатором и бастардом.

— Маршал Алва был верен Талигу и его королю. — Глаза марагонца злобно сверкнули. — Я не Человек Чести, и мне не нравится, когда на протянутую руку отвечают ударом кинжала. Вы умрете, и немедленно.

— Я в этом не сомневался, — наклонил голову Алан. — Умереть в один день с Талигойей большая честь.

— Да, — бросил Оллар, — Талигойя умерла. Давно пора. Зато родился Талиг. Вы с вашей честью и вашими предрассудками пережили самих себя. Рамиро Алва это понял.

Алан Окделл это понял не хуже, но есть вещи, которые нельзя предавать, — дружба, доверие, совесть. Если б они с Шарло не доверяли предателю, король был бы жив, но им и в голову не приходило...

Нельзя бить в спину тех, кто верит тебе и в тебя! Если бы Рамиро во всем признался... Пусть он решился сдать город на Совете или по дороге к Оллари, но, сговорившись с бастардом, должен был рассказать... Алан понял бы, он сам был почти готов открыть ворота, лишь бы остановить Придда, но убийство Эрнани зачеркнуло все. Такое не прощают.

— Я могу проститься с женой и сыном?

— Маршал Алва умер, не увидев своего наследника. Своего вы тоже не увидите. — Франциск возвысил голос. — Пусть бумагомараки запишут. Убийца никогда не получит того, чего лишился убитый, особенно если речь идет о наследстве. Если со смертью законного наследника его имущество по старшинству должно перейти к убийце, ни он, ни его семья не получат ничего. Если других наследников не отыщется, все отойдет короне.

Этот и впрямь усидит на троне... Алан с ненавистью взглянул на коренастого чужака. Оллара нельзя было назвать красавцем, но он принадлежал к людям, которых, раз увидев,

забыть невозможно. Он пришел надолго, он и его вояки. Бездомный Король победил, грязь выбилась во владыки, теперь в руках ублюдка жизнь и смерть всех Людей Чести...

Окделл зло усмехнулся в ответ на угрюмый взгляд Манрика. Они могут его убить, и они его убьют, но герцог Окделл умрет, как и жил, Повелителем Скал, а они останутся безродными псами. Жаль, он не увидит Дикона, он должен передать ему... Что передать? Глупые, ничего не значащие слова, которые никого не защитили и никому не помогли? Медальон, что разглядывал Рамиро Алва? Мальчишке и так *придется несладко* — сыновьям казненных врагов труднее, чем их отцам, не зачем тащить на себе еще и отслужившую свое шелуху.

— Алан!

Женевьев! Откуда?!

Герцогиня Окделл разъяренной кобылицей с родового герба прорвалась сквозь вооруженную толпу и повисла на шее мужа.

— Алан, — так она еще на него не смотрела, — я хочу, чтобы ты знал! Я люблю тебя и всегда любила...

Всегда? Может быть... Люди Чести скрывают свои чувства. Она его любила, а он? Нет, он ее не любил, он никого не любил, не выпало ему этого счастья! Ни любви, ни дружбы, ни смысла, ничего!

От необходимости лгать Алана избавили прихвостни бастарда, они действовали грубо, но Окделл был им почти благодарен. Когда все идет прахом, единственный выход — умереть с высоко поднятой головой. Создатель разберет, в чем новопреставленный раб Его прав, а в чем — виновен. Герцог быстро взглянул на жену, та уже овладела собой — фамильная гордость взяла свое. Алан очень надеялся, что Женевьев сможет сохранить себя и детей.

Манрик подтолкнул его к выходу, и Алан Окделл вздернул подбородок, в последний раз проходя приемной Эрнани. Проходя мимо окна, он краем глаза заметил человека в алом. Только не это! Он хочет умереть в здравом рассудке. Леворукый — выдумка, такая же, как Четверо, а у окна стоит очередной приспешник Оллара, вырядившийся в красное. Мало ли в мире высоких и золотоволосых, а лица он не рассмотрел.

Талигойская баллада

Последним желанием герцога Окделла было оглянуться и убедиться, что у золотоволосого обычные человеческие глаза, но Повелитель Скал не мог себе этого позволить — бастард и его свора могли истолковать его жест как страх или надежду. Люди Чести умирают как жили, не оглядываясь и не опуская головы. Алан сдержал порыв и, не сбиваясь с шага, навсегда покинул королевский дворец.



ЭПИЛОГ

«... В пятом часу пополудни...»
В песочных часах равнодушно перетекала вниз золотистая сухая струйка, в витражи рвалось солнце, его лучи были алыми, лиловыми, синими, золотыми... Было очень тихо, лишь иногда звякало оружие. Франциск своими круглыми, как у птицы, глазами смотрел на очень бледную женщину и слегка улыбался. Послышались шаги, запахнулась дверь, и рыжий воин неуклюже преклонил колено перед сюзереном.

— Казнь свершилась?

— Да, государь.

— Как она прошла?

— Очень просто. Убийца не причинил нам хлопот.

— Он что-то сказал?

— Ничего, государь.

— Я так и думал. Такие или говорят очень много, или не говорят вовсе. Не правда ли, эрза?

Темно-карие глаза Женевьев сверкнули.

— Будьте вы прокляты!..

— За такие слова снимают голову, — равнодушно произнес победитель, — но вы только что овдовели, а горе лишает рас-

Талигойская баллада

судка. К счастью для вас, оно будет недолгим. Я даю вам другого мужа. Ларак, подойдите.

Хмурый, еще не старый человек со шрамом на щеке вышел вперед.

— Вы заслужили право на титул, владения и красивую жену. Согласны ли вы утешить эту эрэа и взять на себя защиту ее детей от первого, весьма неудачного, брака?

— Я постараюсь возместить ей ее утрату.

— Не сомневаюсь. — Франциск улыбнулся, показав крупные зубы. — В будущем году я намерен стать избранным отцом¹ ребенка, который со временем получит Надор. Подайте руку невесте и ведите ее в часовню, кажется, это в западном крыле... Начинайте обряд, я проведу роженицу и присоединюсь.

Женевьев Окделл смотрела на жениха с ужасом и ненавистью, однако молчала. Надо полагать — вспомнила о детях. Ларак крепко взял герцогиню под локоть, и она безропотно пошла за ним.

Франциск Оллар улыбнулся еще раз:

— Положите Первого маршала Талига Рамиро Алву рядом с Эрнани Раканом и распорядитесь о похоронах.

Новый повелитель Талигойи повернулся и стремительно вышел. Франциск Оллар все делал стремительно и уверенно, даже когда никуда не спешил или сомневался в принятом решении. Сейчас сомневаться было не в чем, но дела торопили.

Новоявленный король не собирался задерживаться у вдовы — он не любил иметь дело с рыдающими женщинами. Только клятва есть клятва, особенно если это клятва короля умирающему, данная на глазах соратников и знатных пленников. Талиг должен знать — его величество Франциск Первый не забывает оказанных услуг и безжалостно карает тех, кто поднимает руку на его друзей. С Эпинэ он поговорит завтра или послезавтра, когда тот немного успокоится. Люди Чести

¹ **Избранный отец** — избранный родителями человек (если говорить о дворянстве, чаще всего сюзерен), который при Наречении представляет ребенка Создателю, после чего принимает его под свое покровительство.

Вера Камша

чуть не погубили королевство и себя; те, у кого в голове есть хоть что-то, должны это понять.

Скорым шагом спускаясь по лестнице и пересекая двор, Оллар думал уже о другом. Мысли победителя занимал разговор с епископом Кабитэлы.

Без церкви не обойтись, но она должна знать свое место! Отныне главой клира будет король, ну а кардинал... Кардинал получит все, кроме права лезть в дела королевства. Если его преосвященство не дурак, он поймет, что выгодней и безопасней подчиняться одному-единственному королю, а не зависеть от агарисской своры. Нынешние кардиналы и главы орденов мрут как мухи, а их имущество перетекает в бездонные карманы его святейшества и иже с ним.

Как же зовут вдову Рамиро? Жаль, если она родит девочку. Новый король не сомневался — огрызки Людей Чести не простят кэналлийцам измены, значит, Алва будут верны Олларам, а короне Алва нужны — чужака Кэналлоа не примет. Кэналлоа — это выход в Багряные Земли. Как не вовремя этот болван убил Рамиро, такие полководцы — удача для любого короля, да и с морисками через собрано договориться было бы проще. Пусть думают, что хотят, но союз с Багряными Землями безопасней лобызаний с Агарисом! Как же все-таки зовут герцогиню? Октавия! Девочка, подобранная Рамиро на дороге... Очередной плевок в сторону выродившихся спесивых болванов.

Так и надо жить, как жил кэналлийский герцог, — ничего не боясь и ни на кого не оглядываясь! Октавии Алва будут оказаны все почести, причитающиеся вдовствующей герцогине, чей муж оказал большую услугу короне. Пусть видят, что король умеет быть благодарным... А его уже ждут! Церковники всегда умудряются узнавать новости первыми и держать нос по ветру.

Подобострастная, похожая на старую клячу аббатиса монастыря святой Катарины, в одной из келий которого лежала герцогиня, медовым голосом сообщила, что родился мальчик и роды прошли благополучно. Это было добрым предзнаменованием. Бывший ублюдок, ныне именуемый талигойским

Талигойская баллада

королем, торжественно прошествовал по прохладному коридору, выслушивая благостные причитания навязавшейся в провожатые «клячи».

— Ваше величество, — аббатиса с видимым усилием распахнула тяжелую дверь, — это здесь.

— Благодарю. — Победитель шагнул в залитую заходящим солнцем комнату, где сутилось несколько человек. Роженица лежала на монашеской постели без балдахина. Король увидел роскошную пепельную косу и тонкую руку, не уступающую белизной алатскому полотну.

— Дочь моя, — подала голос старуха, — это я, мать Амалия. Вас пожелал видеть его...

Франциск властным жестом остановил «клячу», и та, пятясь, отступила к стене.

Бездомный Король давно научился производить именно то впечатление, которое хотел. Сейчас он был государем, взявшим под свое крыло вдову друга и соратника. Придав лицу соответствующее выражение, Оллар произнес со всей мягкостью, на какую был способен:

— Сударыня, я счастлив поздравить вас с рождением сына.

Женщина на постели повернулась, сделав робкую попытку подняться, пресеченную бдительным лекарем, и подняла на гостя светящийся взгляд.

— Благодарю вас, сударь.

У Оллара загодя была припасена и вторая приличествующая случаю фраза, но победитель внезапно утратил дар речи. Возможно, в этом мире были женщины красивее молодой вдовы, которая еще не знала, что она вдова. Даже наверняка, но какое дело до этого Франциску Оллару?!

— Сударь, вы — друг Рамиро? Где он?

Бездомный Король был человеком жестким, даже жестоким, но сказать правду отчего-то не мог. Октавия смотрела на незнакомца ясными синими глазами и ждала, а он молчал. Он нашел свою королеву, но не мог ей об этом сказать, он вообще не знал, что говорить.

— Вы — друг Рамиро? — повторила Октавия. — Он не может прийти?

Вера Камша

— Да, я друг Рамиро, и он не может прийти, — подтвердил Франциск. — Вы уже решили, как назовете сына?

— Нет, — она казалась удивленной, — имя ребенку дает отец. Но, сударь, все же вы...

— Я — новый король Талига. — Странно, почему радость от этого обстоятельства куда-то делась. Новый король Талига — одинокий король Талига... Он будет одинок, сколько б дворян ни вилося у его трона и сколько б красавиц ни побывало в его постели, если только эта синеглазая женщина не забудет свою потерю.

— Рамиро... Он... Он мертв? Кто его убил?.. Вы?!

— Не я. Рамиро Алва оказал мне и Талигу неоценимую услугу. Я любил его и был бы счастлив видеть своим маршалом. Надеюсь, со временем это место займет его сын. Вы позволите мне взять его и вас под свое покровительство? Я... Сударыня!

И без того бледное лицо стало вовсе белым, и Октавия упала на подушки. Подбежала повитуха, кто-то громко закричал, кто-то принялся бормотать молитвы. Франциску следовало оставить герцогиню на попечение старух и врачей и вернуться к делам — захватить власть трудно, удержать ее еще труднее. Он так долго шел к этому дню и не может в решающий момент выпустить вожжи ни на мгновение. Олар железной рукой схватил за плечо кого-то дородного в лекарском балахоне.

— Что с ней?

— Обморок, — проблеял тот, — у эрэа слабое сердце, а тут такое потрясение... Эрэа очень привязана к мужу...

Привязана к мужу, а муж был привязан к ней и нерожденному ребенку, которым эти заносчивые уроды велели не жить. Но теперь эти уроды — его, Франциска, подданные.

— Если с ней все будет в порядке, получишь дворянство, — проникновенно сказал новый король, — нет — повешу.

Лекарь что-то забормотал, но победитель уже вышел, придерживая тугую дверь. Будь Рамиро Алва жив, король со временем послал бы красавца-маршала на красивую смерть, но к уже убитому испытывал лишь благодарность и скорбел по несостоявшейся дружбе.

Талигойская баллада

Топтавшийся на пороге оруженосец торопливо доложил, что в часовне все готово к венчанию, а в Коронационном храме — к поминальной службе. Франциск что-то буркнул и, тяжело ступая, пошел по гулкому коридору, не обратив никакого внимания на шарахнувшуюся из-под ног здоровенную крысу.

Отмеченная монаршим вниманием герцогиня осталась лежать с закрытыми глазами среди суетившихся слуг, число которых стремительно возрастало. Лежать, прижимая к наливающейся молоком груди руку с обручальным браслетом. Рамиро умер, она тоже умерла, только этого никто не заметил.

Ветер лениво шевелил полотняные занавеси, сиделка-монахиня перебирала четки, озабоченный лекарь что-то смешивал в костяной чаше. Через распахнутое окно донесся звон сигнального колокола — пять часов пополудни...

Пять часов... В соседней комнате мирно спит ребенок, которому суждено жить с двойным клеймом — сына предателя и пасынка чужеземного короля.

Пять часов... В наспех прибранной часовне вдова будущего мученика и святого, глядя в глаза перепуганному священнику, тихо произносит «да», отдавая руку чужаку, от которого ей предстоит родить семерых Людей Чести.

Пять часов... Запертый в казармах граф Карлион в сотый раз объясняет графу Тристраму, что с самого начала знал, что Алва — предатель.

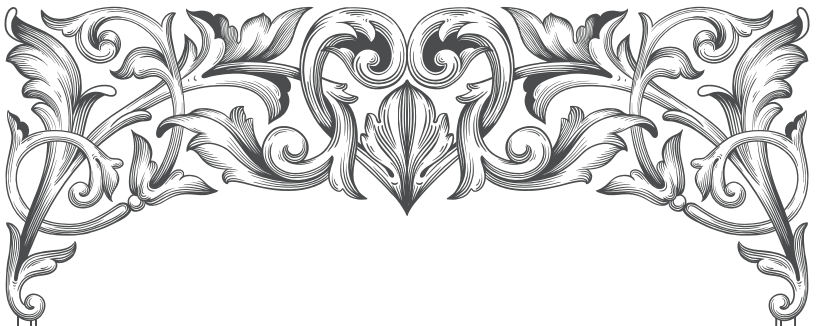
Пять часов... Епископ Ариán, преклонив колени перед алтарем, не столько молится об упокоении душ новопреставленных, сколько обдумывает предложение Франциска порвать с Агарисом и стать главой новой церкви. Еще не маршал Шарль Эпинэ в нерешительности стоит на краю Коронной площади, решая, войти ли в храм у всех на глазах или же проститься с Рамиро ночью, когда этого никто не увидит.

Пять часов... Королева Бланш и ее сын в придорожной харчевне ждут, когда Михаэль фок Варзов добудет им хлеба и сыра, на конюшне тяжело поводят боками уставшие лошади, а в небе сгущаются тучи — к вечеру зарядит нудный холодный дождь.

Вера Камша

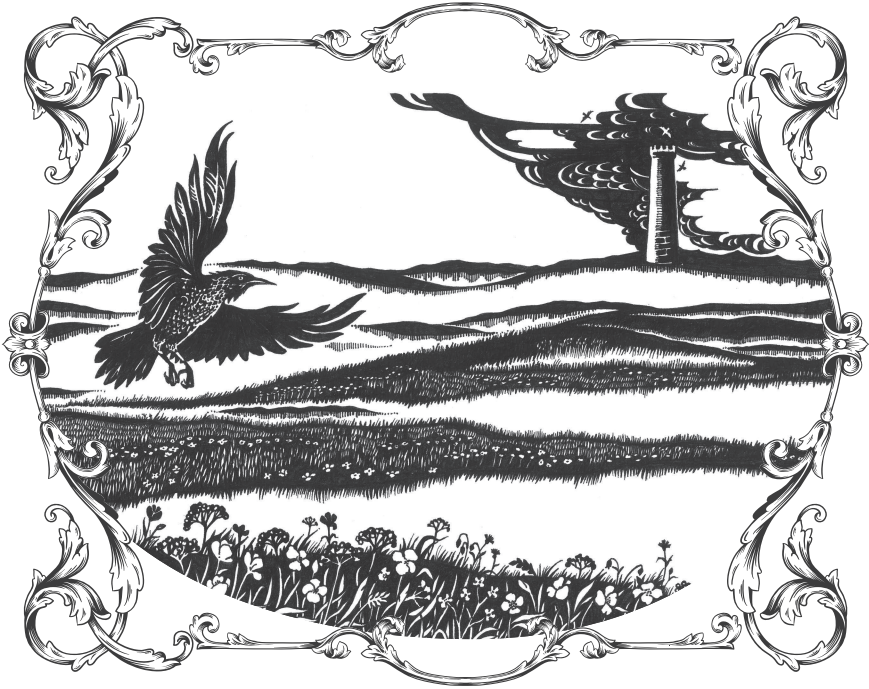
Пять часов... Кровь во дворце смыта, испорченные ковры заменены, над тронном развешаны знамена с Победителем Дракона. Скоро хронисты всех стран запишут, что в третий день Осенних Ветров 399 года Круга Молний Франциск Оллар захватил столицу Талигойского королевства Кабитэлу, одним махом покончив и со старой династией, и с позорной кличкой «Бездомный Король». Они много чего напишут...





КРАЧОЕ
НА КРАЧОМ







ЧАСТЬ I

БАШНЯ



¹ «Разрушенная башня» («Удар молнии») — высший аркан Таро. Рядом с хорошими картами означает окончание черной полосы в жизни, избавление от тяжелого груза. При дурном раскладе эта же карта предрекает потерю счастья, уничтожение, хаос. Перевернутая карта (далее П.К.) указывает на зависимость от существующих обстоятельств, ограниченность возможностей. Вы вынужденно идете старой дорогой, не в силах ничего изменить.



Человек никогда не бывает так
счастлив или так несчастлив, как
это кажется ему самому.

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО





ГЛАВА I

ТАЛИГ. ОКРЕСТНОСТИ ОЛЛАРИИ

397 год К.С. 1-й день Осенних Волн

1

Осень 397 года круга Скал выдалась хмурой и слякотной. Серое небо, словно бы укутанное грязным войлоком, нависало над раскисшими дорогами. На проселках лошади вязли чуть ли не по колено, но и столичный тракт выглядел немногим лучше. В такую погоду путешествуют либо по большой охоте, которая, как известно, пуще неволи, либо по необходимости. Злые, заляпаные грязью путники, измотанные кони и мулы, чавкающая, вязкая грязь, мокрые деревья у обочин, воронье в низком небе — все это напрочь лишало окрестности Оллáрии неоднократно воспетой поэтами и трубадурами прелести. Добровольно обрекшие себя на дорогу непоседы — и те глядели по сторонам безо всякой радости, что уж говорить о тех, кого впереди не ждало ничего хорошего. Летом яркое солнце и сочная зелень скрасят любую неприятность, осенью, особенно столь унылой, даже воображаемые напасти кажутся ужасными и неотвратимыми. Неудивительно, что шестнадцатилетний Ричард Окделл взирал на мир отнюдь не радостными глазами.

Юноша никогда не бывал в столице, но уже ненавидел ее всей душой. Единственный сын предательски убитого четыре года назад герцога Эгмонта до последнего надеялся остаться в родном Надоре. Увы, вдовствующая герцогиня была неумолима. Корона требовала, чтобы Ричард Окделл, как и пристало высокородному дворянину, прошел школу оруженосцев, — значит, так тому и быть. Граф Ларак, родич и опекун Дика, пытался отстоять внучатого племянника — не вышло. Мирабелла Окделл обладала железной волей. Ларак сдался, хотя по закону решал он, и только он.

Матушка объясняла сыну и наследнику, в чем его долг, несколько дней; Ричард почти не слушал. Судьба одарила юношу весьма сомнительным свойством — смелый и порывистый, Дик умудрялся переживать все радости и неудачи загодя, причем грядущие беды в его глазах выглядели ужаснее, чем на самом деле. Вот и полгода в знаменитом на весь Талиг поместье Лайк, чаще называемом «Жеребьчым загоном», казались юному герцогу страшнее чумы и войны. Впрочем, на сей раз воображение и рассудок друг другу не противоречили. Жить среди врагов, подвергаясь оскорблениям и не имея права ответить ударом на удар, — что для дворянина может быть горше?!

Дикон не сомневался — королевские лизоблюды сделают все, чтобы превратить жизнь сына Эгмонта в пытку. Мать и ее духовник год за годом твердят о терпении — «кольчуге сильного», но с терпением у Повелителей Скал всегда было худо. Молодой человек тоскливо глядел на выраставшие из серой мути башни Оллари. Разбитая дорога поворачивала и шла вдоль стены к воротам, у которых собралась небольшая толпа.

Попасть в столицу было непросто — стражники в шлемах и кирасах придирчиво рассматривали путников. Мелких торговцев и крестьян пропускали, взяв с них и с их товаров положенную мзду, а дворянам и серьезным негоциантам приходилось называть писарям имя и цель приезда. Так повелось со времен Франциска Оллара. Узурпатор отобрал у побежденных не только свободу и гордость, но и веру, и имена. Капитэла стала Олларией, Талигойя — Талигом, а ее жители — поданными чужеземной династии. Король Оллар сидел на тро-

Красное на красном

не и теперь, хотя потомки Победителя Дракона давно выродились и управились бы разве что с Ызаргом¹.

— Запомните, Ричард, — граф Ларак вырвал подопечного из невеселых раздумий о прошлом и еще менее приятных мыслей о будущем, — для всех мы прибыли не сегодня вечером, а завтра утром. Окделлам нельзя появляться в столице без особого разрешения и задерживаться дольше, чем требуется. Я должен без промедления передать вас с рук на руки капитану Лаик, но мы поступим иначе. Конечно, мы рискуем, но...

— Я буду молчать.

— От вашей скромности зависит очень многое. Даже если у вас появятся друзья, они не должны знать о вашей встрече с кансильером.

— Так мы едем к Штанцлеру?!

— К графу Штанцлеру, Дикон. Вас ждет хороший вечер и знакомство с настоящим другом, но учтите — тайно принимая сына Эгмонта, он рискует больше нашего.

— Я понял, — заверил юный герцог. — Я никому не скажу.

— Надеюсь. Нам выпало жить во времена стервятников, такие люди, как Август Штанцлер, наперечет. Они слишком драгоценны, чтобы ими рисковать. Я не хотел ставить кансильера под удар, но он весьма настойчив, если не сказать упрямым.

— Поэтому мы и поехали впереди свиты и в чужих плащах?

— Да. У ворот Роз нас встретит человек Штанцлера и проведет к нему.

— Ворота Роз? Это уже они?

— Да. Придержите лошадь, мы приехали точно к назначенному времени.

Ричард послушно остановил измученного Баловника. Жеребец был, мягко говоря, не из лучших, но нынешнее положение Окделлов требовало если не самоуничтожения, то скромности. Молодой человек знал, что без заступничества кансильера и королевы семье мятежника пришлось бы еще хуже, но вообразить это «хуже» было трудно.

¹ Небольшое степное животное, питающееся падалью. Символ трусости и подлости.

Вера Камша

— Не пожертвуют ли добрые господа на храм Святой Октавии Оллариийской? — Герцог, вздрогнув, устоял на ухватившегося за его стремя человека в олларианском черном балахоне и торопливо вытащил монетку. Окделлы, как и большинство Людей Чести¹, тайно исповедовали эсператизм и потому, несмотря на стесненные обстоятельства, редко отказывали жадным святошам. Истинная вера в Талиге была под запретом, равно как и Честь.

— Святая Октавия не забудет вашей щедрости, — заверил клирик, опуская суан² в опечатанную глиняную кружку, и зашептал: — Поезжайте вдоль городской стены. Увидите гостиницу «Мерин и кобыла», спросите две комнаты окнами во двор и ждите.

Олларианец отпустил стремя Дика и завел свою песню о жертвоприношениях перед каким-то торговцем.

— Ричард, — в голосе опекуна слышалась тревога, — учись властвовать собой, на вашем лице все написано. Впрочем, чего еще ждать от сына Эгмонта? Поехали!

2

Гостиница «Мерин и кобыла» оказалась небольшой и уютной. На вывеске красовалась игривая молодая кобылка, за которой уныло наблюдал седой от старости мерин. Вывеска была веселой, физиономия трактирщика — тоже. Граф Ларак занял две предложенные ему комнаты и заказал туда баранину, тушеные овощи и красное вино. Дик наслаждался отдыхом, не слишком веря, что кансильер почтит своим вниманием придорожную гостиницу, но он ошибся. Едва на ближайшей колокольне отзвонили десять, как в дверь коротко и властно постучали. Ричард отворил, и на пороге возник еще один клирик, пожилой и тучный.

¹ В описываемое время Людьями Чести называли себя потомки до-олларовской аристократии, находящиеся в явной или тайной оппозиции к правящей династии.

² Суан — мелкая серебряная монета.

Красное на красном

Переступив порог, оллариянец отбросил капюшон, открыв некрасивое отечное лицо — впрочем, умное и приятное. Глубоко посаженные глаза гостя подозрительно блеснули.

— Дикон! Совсем большой... Одно лицо с Эгмонтом, разве что волосы потемнее. Эйвон, вам не следовало соглашаться на эту авантюру.

— Я был против, но кузина считает, что Окделлы не могут отказаться, когда их призывает Талигойя.

— Талигойя. — Густые брови кансилльера сдвинулись к переносице. — Талигойя, вернее, Талиг безмолвствует. Ричарда вызвал кардинал. Что у аспида¹ на уме, не знаю, но добра вам он не желает. Ричард, — Август Штанцлер пристально посмотрел на юношу, — постарайся понять и запомнить то, что я скажу. Самое главное — научиться ждать. Твое время еще придет. Я понимаю, что Окделлы ни перед кем не опускают глаз, но ты должен. Ради того, чтобы Талиг вновь стал Талигойей. Обещай мне, что последуешь моему совету!

— Обещаю, — не слишком уверенно пробормотал Ричард. — Но если они...

— Что бы они ни болтали, молчи и делай, что приказано. Ты хороший боец?

— Со временем он превзойдет Эгмонта, — вмешался Эйвон, — но пока его подводит горячность.

— Я бы предпочел, чтобы он превзошел Ворона, — вздохнул кансилльер, — но это вряд ли возможно. Дик, постарайся употребить эти месяцы на то, чтобы догнать и перегнать большинство своих товарищей. Смотри на них, пытайся понять, что они за люди, возможно, от этого когда-нибудь будет зависеть твоя жизнь.

Помни, в Лаик нет герцогов, графов, баронов, нет Окделлов, Приддов, Савиньяков, Рафиано. У тебя останется только церковное имя, родовое ты вновь обретешь в день святого Фабиана². Тогда же будет решено, оставят тебя в столице или от-

¹ Намек на черные оллариянские одеяния.

² Фабиан, один из первых оллариянских святых, был воспитателем молодых дворян и погиб, заслонив собой единственного сына Франциска Оллара.

Вера Камша

правят домой. Я постараюсь не терять тебя из виду, но в «загон» мне и моим людям доступа нет. Через четыре месяца унары¹ получают право встречаться с родичами, но до тех пор ты будешь волчонком на псарне. Это очень непростое положение, но ты — Окделл, и ты выдержишь. Я старый человек, однако с радостью отдал бы оставшиеся мне годы за то, чтобы увидеть на троне законного короля, а на плахе — Дорака. Увы, пока это невозможно.

Терпят все — ее величество, твоя матушка, граф Эйвон, а я... я пью с мерзавцами вино и говорю о погоде и налогах. Потерпишь и ты, хотя придется тебе несладко. Твои будущие товарищи, кроме молодого Придда и пары дикарей из Торки, принадлежат к вражеским фамилиям. Начальник «загона» капитан Арамбна метит в полковники гвардии. Он лебезит перед теми, кто ему полезен, и отыгрывается на ненужных и опальных, то есть на таких, как ты. Тебя будут задевать, оскорблять родовую честь и память отца. Молчи!

С прошлого года дуэли среди унаров запрещены под угрозой лишения титула. Возможно, это и есть причина, по которой тебя вытребовали. Сожми зубы и не отвечай. Когда-нибудь ты отдашь все долги. Тебе станут набиваться в друзья. Не верь. Доверие Окделлам обходится очень дорого. Никаких откровенных разговоров, воспоминаний или, упаси тебя Создатель, сплетен о короле, королеве, Первом маршале и кардинале. Если тебе станут про них рассказывать — прерывай разговор. Если кто-то начнет хвалить твоего отца, говори, что утрата слишком свежа и тебе тяжело о ней говорить. Если собеседник желает тебе добра, он поймет. Если это подсыл — останется ни с чем. Ты все понял?

— Все.

— Ну вот и хорошо. — Кансильер улыбнулся. У него была удивительно располагающая улыбка. — А теперь давайте ужинать и болтать о всяких пустяках.

Мысль была хороша, да и ужин оказался изумительным, но болтать о пустяках и веселиться не получалось. Эйвон, пря-

¹ Унары — молодые дворяне, обучающиеся в школе оруженосцев.

Красное на красном

мой как копые, молчал и со скорбным видом кромсал ножом нежнейшую баранину. Кансильер натянуто шутил, а Дикон думал о том, что завтра он останется один... Волчонок на псарне... Так сказал Август Штанцлер, а он знает, что говорит.

Юноша прекрасно помнил главных врагов Талигойи, бывших и врагами Окделлов. Чужеземная династия и их прихвостни! Это они превратили некогда великое королевство в держащуюся на страхе и лжи полунищую страну, в которой истинным талигойцам нет места. Держава гибнет, отец это видел... Он поднял восстание и погиб...

— О чем ты задумался, Дикон? — Мягкая рука легла юноше на плечо.

— Об отце, эр¹ Август...

— Ричард, — забеспокоился Эйвон, — ты же видишь графа Штанцлера впервые! Он не разрешал тебе...

— Уже разрешил. — Штанцлер улыбнулся, но как-то невесело. — Однако слово «эр» лучше приберечь для Надора или... Агариса. Для Оллариин хватит и «сударя», хотя, не скрою, мне приятно, что ты назвал меня так, как называл твой отец. Я его часто вспоминаю... Вальтер Придд — истинный Человек Чести, но заменить Эгмонта ни он, ни его сыновья не в состоянии. Талигойя смотрит на тебя, герцог Окделл, поэтому ты должен выдержать все. Любое унижение, любую несправедливость. Тебе шестнадцать, сегодня твоя молодость — помеха нашему делу, но через десять-пятнадцать лет ты войдешь в полную силу, а наши враги побредут под гору. Я вряд ли увижу твою победу, но я в ней не сомневаюсь. Ты — наша надежда, Дикон, и я пью за тебя. За то, чтоб ты стал таким, как Эгмонт.

— И пусть Создатель будет к тебе милосердней, чем к нему, — серьезно и грустно сказал Эйвон, поднимая свой бокал. — Мы тебе не сможем помочь, но наши сердца будут с тобой.

— *Так и будет!* — Кансильер осушил свой бокал и повернулся к Лараку: — Вы слишком мрачно смотрите на жизнь, Эйвон.

¹ Эр (*ж. р.* — эрэа) — в описываемые времена указывает на принадлежность к доолларовской аристократии.

Вера Камша

— Потому что в ней мало радости и совсем нет справедливости, — опустил седеющую голову Ларак. — Эгмонт погиб, сын и трое внуков старика Эпинэ тоже... Гвидо фок Киле-ан-ур-Ломбах мертв, а я, не стоящий их мизинца, живу!

— Дядя Эйвон, — подался вперед Дикон, — вы не виноваты, ведь никто не знал...

— Можно было догадаться, — с горечью произнес Ларак.

— Догадаться, что сделает Рокэ Алва, нельзя, — резко сказал кансильер. — Маршал законченный негодяй, но подобного полководца Золотые Земли еще не рождали. Я готов поверить, что ему и впрямь помогает Леворукий. Упаси тебя Создатель, Дикон, иметь дело с этим человеком. Его можно убить, по крайней мере я на это очень надеюсь, но не победить...

— Вы правы, — вздохнул граф, — человек не может так драться, и человек не может быть настолько подлым.

— Насчет подлости вы заблуждаетесь, — не согласился Штанцлер. — Рокэ Алва — чудовище, это так. Для него чужие жизни не значат ничего, возможно, он безумен, но маршал — гремучая змея, а не подколотная. Он знает, что равных ему нет, ему нравится доводить людей до иступления, играть со смертью и с чужой гордостью, именно поэтому в спину он не бьет. Алва — враг, и враг страшный, но за один стол с ним я сяду, а вот с Дораком или Манриками никогда не обедаю и не советую это делать своим друзьям.

Два крыла Зла! Так отец Маттео в тайной проповеди назвал герцога Алва и Квентина Дорака, присвоившего себе имя святого Сильвестра...¹ Именно от этих двоих нужно избавить Та-лигойю в первую очередь.

— У нас не выходит веселого застолья, мои эры, — усмехнулся Штанцлер. — Мы, как лесник из притчи, можем говорить только о медведе.

— Слишком дурные времена, — пробормотал Эйвон.

— Будем надеяться, что худшее уже случилось четыре года назад. Мы поторопились и не рассчитали.

¹ Эсператисты между собой называют олларрианских клириков их мирскими, а не церковными именами.

Красное на красном

— Десять лет назад мы тоже поторопились и не рассчитали. — Ларак безнадежно махнул рукой.

— И поэтому торопиться мы больше не будем, — спокойно и твердо сказал кансильер. — Мы будем ждать год, два, десять, но мы дождемся! Мы поступали глупо, нападая. Теперь пусть играет Дорак, рано или поздно он зарвется и совершит ошибку, но, Дикон, мы этого тебе не говорили, а ты не слышал. Мне пора, друзья мои, и последний кубок я хочу поднять за всех Людей Чести, за Талигойю и за ее истинного короля. — Кансильер тяжело поднялся, и Эйвон с Диконом последовали его примеру. — Над Олларией, нет, над Кабитэлой еще взойдется знамя Раканов. Ночь, какой бы длинной она ни была, кончится. За победу, мои эры! За победу!

— Так и будет, — прошептал Дикон. В этот миг он не сомневался, что они победят, ведь на их стороне правда и честь! — Святой Алан, так и будет!



ГЛАВА 2

АГАРИС

397 год К.С. 1-й день Осенних Волн

1

Старуха под окном расхваливала свои лимоны. Визгливый голос вызывал у Робера Эпинэ, маркиза Эр-При, настойчивое желание то ли придушить старую ведьму, то ли купить у нее всю корзину — авось заткнется. К несчастью, изгнанник был бедней орущей торговки. Кров и пищу ему предоставлял его святейшество Адриан, но с наличием было вовсе худо. Робер в который раз с ненавистью оглядел голые стены, кровать с линялым пологом и рассохшийся стол в окружении рассохшихся же стульев. Говорят, лучше быть живым в лохмотьях, чем мертвым в бархате, и все равно разве это жизнь?!

Эпинэ тошнило от Агариса и эсператистского гостеприимства, но в Талиге соратники Эгмонта Окделла были вне закона. Роберу еще повезло — братья и отец были мертвы, а дед уцелел, лишь разыграв старческое безумие. Опекуном над стариком и всем его имуществом стал дальний родич, женатый на сестре кардинальского прихлебателя. Альбин Маран — полное ничтожество, а его супруга заест кого угодно. Теперь мать с дедом вынуждены сидеть с ними за од-

Красное на красном

ним столом и слушать нытье Альбина и поучения корчащей из себя хозяйку Амалии. Эта своего не упустит... Проклятая «навозница»!¹

Дверь, надсадно скрипнув, распахнулась — прислужники в приюте Эсперадора не утруждали себя стуком. Принесли ужин, вернее, то, что здесь называли таковым. Заканчивался очередной из шестнадцати нестрогих постов, и богобоязненный повар кормил постояльцев вареными овощами и пресными лепешками. Рыбы и той не дали. Робер с отвращением взглянул на поднос. Есть он хотел, и еще как, но это?! Хотя куда денешься — то немного, что можно продать, давно продано, а гогáны² в долг изгнаннику не дадут, и правильно — Оллары сидят крепко, а родственнички удавятся, но ничего не пришлют.

Конечно, можно наступить на гордость и податься в наемники или посвататься к богатой горожанке, но не при жизни деда ведь! И вообще наследники Великих Домов женятся лишь на зоряхх, не плевать же на тысячелетние законы только потому, что тебя воротит от вареных овощей! Может, ограбить кого-нибудь? А что, хорошая мысль! Дождаться ночи, надеть маску, остановить первого попавшегося дуралея потолще и потребовать кошелек.

Робер Эпинэ усмехнулся, представляя себя в роли ночного грабителя, и с видом мученика принялся за еду, оказавшуюся еще более мерзкой, чем он ожидал. Баба за окном продолжала выхвалять свою кислятину, мало того, в комнату залетела здоровенная муха и с траурным гудением принялась нарезать круги над самой головой. Богоугодная пища не привлекала даже ее.

Будущий Повелитель Молний дожевал морковину и оттолкнул миску — лучше честный голод, чем такая еда. Будь Робер

¹ «Навозники» — презрительная кличка, которой старые талигойские аристократы наградили потомков безродных сподвижников Франциска Оллара, получивших из его рук титулы.

² Гогáны (самоназвание «гоххóны») — выходцы из Багряных Земель, исповедующие собственную религию. Живут замкнутыми общинами, держат в руках значительную часть банковского и ссудного дела.

Вера Камша

и впрямь лошадиной породы, он с наслаждением хрумкал бы кочерыжками, но последний из братьев Эпинэ, хоть его и прозвали Иноходцем, предпочитал мясо. Хороший кусок мяса со специями и пару бутылок кэналлийского... Пусть Алва были, есть и будут убийцами, вино в их владениях делают отменное. Лучшие виноградники Золотых и Багряных Земель и лучшие полководцы, раздери их кошки! Если б не Ворон, братья и отец были бы живы, а в Талиге вместо ничтожного Фердинанда правил Альдо Ракан.

Неужели Альдо, как и его отец, дед, прадед, умрет в Агарисе?! Парень рожден королем, а не приживальщиком. То, что его предки воспринимали как данность, для него — пытка. И вообще сколько можно тухнуть в святом болоте?! Штанцлер пишет, что надо ждать. Они ждут, но от такой жизни впору рехнуться или запить. Лучше, конечно, запить, но на вино нет денег, даже на самое паршивое.

Вновь открылась дверь, прислужник, поджав губы, гордо унес расковырянные овощи. Тля бледная, ни в жизни ничего не понимает, ни в еде, а туда же! Судит с высоты своего благочестия. Да с такой рожей не захочешь — станешь праведником! И еще эта торговка...

Иноходец Эпинэ вскочил с колченогого стула и, фальшиво насвистывая фривольную песенку о черных кудряшках некой красоти, встал у окна, стараясь не глядеть в сторону лимонницы. Скорей бы протрубили Вечер¹, иначе он за себя не ручается!

— Робер, я и не надеялся, что ты дома!

Иноходец оглянулся — Альдо стоял в дверном проеме и улыбался. Рожденный в изгнании принц² был моложе Робера на пять лет, но дружбе это не помешало.

— Где же мне еще быть?! — возмутился Эпинэ. — Денег ни суана!

¹ В Агарисе уличная торговля разрешена лишь днем. О ее начале и конце оповещают находящиеся на городской службе трубачи.

² Осевшие в Агарисе потомки Эрнани Ракана носили титулы принцев и принцесс, так как Эсперадор во избежание конфликтов с Талигом и лишних трат на содержание двора в изгнании не давал согласия на их коронацию.

Красное на красном

— Ты ужинал?

— Святоши полагают, что да, — в голосе Иноходца звучала неподдельная горечь, — но я с ними не согласен.

В серо-голубых глазах Альдо мелькнула смешинка.

— Прав ты, а не они. Нам пора поужинать, и мы, побери меня Леворукий, сделаем это! У меня есть деньги, Робер.

— И много?

— Ну, не так чтобы очень, но на ужин хватит. Я продал свой янтарь.

— С ума сошел!

— Я сошел бы с ума, если б позволил тебе помереть от несварения. Ты — мой маршал, а не коза и не корова, чтобы лопать капусту, и потом, на кой ляд мне четки? Терпеть их не могу... Короче, пошли.

Нахлобучивая шляпу с изрядно потрепанным пером, Эпинэ попытался воззвать к здравому смыслу друга, но тот лишь рукой махнул.

— Здесь у меня есть Матильда, а в Кабитэле — Штанцлер. Уверяю тебя, все, что нужно, они мне скажут и напишут, но я хочу жить! Жить, а не побираться! Я — наследный принц Талигойи, и я проживу свою жизнь королем. Или, если не вый-дет, умру, но по-королевски. И ты, между прочим, — Альдо ударил друга по плечу, — такой же. Просто ты уже все продал, а я пока нет! Мы еще победим, вот увидишь!

— Обязательно победим, — подтвердил Иноходец и подкрутил усы. Эпинэ не имел обыкновения мешкать, куда б ни собирался — на войну, пирушку или любовное свидание, каковых у черноглазого красавца в давние времена было множество. Увы, он придерживался родового принципа — мужчина дает и дарит, а не берет и тянет.

Оставшись без денег, Иноходец впал в целомудрие, так как не мог иметь дело с дамами, не забрасывая их если не бриллиантами, то хотя бы цветами. Впрочем, долго унывать Робер не умел, в его роду всегда надеялись на лучшее, а беды встречали улыбкой и обнаженной шпагой. Маркиз накинул плащ и подмигнул сюзерену.

— Вперед, ваше высочество!

Вера Камша

— Нас ждут великие подвиги! — провозгласил Альдо и почесал переносицу: — А сейчас поищем трактир понечестивей¹.

— А чего его искать? У старого Жаймиоля такие куры...

Куры Жаймиоля и впрямь славились на весь Агарис, и не только куры. Хитрый гоган владел чуть ли не половиной «нечестивых трактиров», в которых во время самых строгих постов можно было разжиться и глотком вина, и поцелуем. Считалось, что запретные радости предназначены исключительно для иноземцев, но на поверку большинство завсегдатаев Жаймиоля принадлежали к эсператистской церкви. Робер и Альдо немного подумали и направились на улицу Сгоревшей Таможни в «Оранжевую луну», где, несмотря на пост, а может, как раз благодаря ему, угощалось множество народа.

Эпинэ с весны не бывал в приличных трактирах и почувствовал себя провинциалом, приехавшим в столицу, — нарядные люди, подобострастные слуги, дорогая посуда... Когда-то он жил среди роскоши и не замечал. Закатные твари! Робер Эпинэ никогда не жрал за чужой счет! Пирушки с друзьями — это совсем другое: сегодня угощаешь ты, завтра — я, и никто никому не должен, но чтобы вот так...

Альдо понял, почему обычно веселый приятель непривычно молчалив, и с нарочитой значительностью возгласил:

— Король обязан должным образом кормить своего маршала. Как ты думаешь, во сколько обходится Оллару Алва?

— В том-то и дело, что ни во сколько, — буркнул справедливый Эпинэ. — Ворон швыряется собственным золотом.

— Вассал не должен быть богаче сюзерена, — нахмурился Альдо.

¹ Агарис не только центр эсператизма, но и крупный торговый порт. Святой престол заинтересован в торговле и потому снисходителен к нарушениям некоторых церковных канонов купцами и наемниками, охраняющими торговые суда. В частности, во время постов в ряде трактиров, которые официально содержат иноверцы (главным образом гоганы), подают вино и мясо. В обиходе подобные трактиры называют «нечестивыми». Разумеется, их хозяева платят соответствующий налог.

Красное на красном

— Настоящий хозяин Талига — не Оллар, а Дорак, — отмахнулся Робер. — *Его* Алва вряд ли богаче, а Фердинанд — тряпка, к тому же дырявая.

2

— Блистательные господа, — пухлый юноша, не похожий на обычного слугу, склонился в учтивейшем из поклонов, — покорнейше прошу вас омыть руки и проследовать за сыном моего отца. С вами желают говорить.

— И кто же? — поинтересовался Альдо, поднимая голову от истекающего жиром каплуна.

— Блистательные увидят сами. Это важные люди. Такие важные, что можно умереть.

— Умирать не надо. — Принц с некоторым сомнением посмотрел на заставленный снедью стол.

— Блистательные господа, в комнате встреч накрыт такой стол, что против этого он как роза против лебеды и тучный телец против весеннего ежа. — Гоган поцеловал собственные растопыренные пальцы. — Сам достославный Жаймиоль, узнав, кто почитит его кров, четырежды и один раз воздел руки к небесам и встал к жаровням...

Альдо не понимал ничего, Робер — тоже, но не принять приглашение становилось невозможным. Талигойцы из вежливости омочили руки в чашах с пахнущей розами водой, отерли их тонким неподрубленным полотном¹ и, предшествуемые толстяком, проследовали за плотный занавес, отделявший «Оранжевую луну» от обиталища достославного Жаймиоля. В нос пахло странным, ни на что не похожим запахом, исходящим от выставленных в ряд четырехглавых бронзовых курильниц, и Эпинэ едва удержался от того, чтобы присвистнуть: толстяк не преувеличивал — происходило что-то очень важное и очень странное.

¹ Вера гоганов запрещает прикасаться иглой к краям ткани, не подлежащим соединению.

Даже в дни относительного благополучия Робер никогда не бывал на защищенной половине гоганского дома¹. Единственными не-гоганами, проникавшими в святая святых богатейших купцов и ростовщиков Золотых земель, были воры, да и то самые отчаянные. Про то, как «куницы»² наказывают своих обидчиков, ходили рассказы столь страшные и нелепые, что приходилось верить в их достоверность — выдумать подобное невозможно. Альдо и Робер не считали себя трусами, но не по себе стало даже им. От пары изгнанников явно чего-то хотели, и отказаться от предложенной чести будет, мягко говоря, непросто.

Вымощенный желтыми и черными плитками ход вел вверх — «куницы» не признают лестниц, а внутренние двери запирают лишь в какие-то там особенные ночи. Курильницы исчезли, значит, они уже в сердце дома.

Коридор уткнулся в очередной занавес, и сопровождающий остановился.

— Не мне, ничтожному, переступать этот порог. Да пребудет над могучими и мудрыми длань Каби́о́ха.

Эпинэ, несколько невежливо отстранив принца, вошел первым. На всякий случай: поговаривали, что первый чужак, вошедший в гоганское обиталище, умрет раньше, чем второй. Кто бы ни сидел за занавеской, маршал не позволит ему причинить вред Альдо! Только вот там никто не сидел.

Комната, в которой оказался Робер, была совершенно круглой. В нее вели четыре двери, но привычных талигойцу окон не имелось. Днем свет проникал через отверстия в потолке, но сейчас на улице было темно, и гоганы зажгли массивные масляные лампы. Занавес на одной из дверей был раздвинут, и Робер счел это приглашением.

¹ Гоганы живут очень замкнуто, люди другой веры допускаются лишь на деловую половину дома, отделенную от занимаемой хозяевами коридором, в котором воскуряют особую смесь из освященных благовоний, позволяющую сохранить чистоту.

² Так иногда называют гоганов, среди которых много темно-рыжих, а те, кто от природы обладает другим цветом волос, красят бороды и волосы, темноволосые — хной, светловолосые смешивают хну с черной краской.

Красное на красном

Если первый зал не имел углов, то во втором их было в избытке, царил же здесь заставленный яствами стол, вокруг которого расположились пятеро пожилых гоганов в желто-черных балахонах и один в желтом одеянии старейшины. Это зрелище окончательно лишило Робера аппетита — Эсперадора и магнусов¹ будущий герцог Эпинэ видел, хоть и издали, а старейшину «куниц» — нет, хотя слышал про достославного² Енниоля немало. Этот человек слыл слишком умным, хитрым и безжалостным даже для гогана. Что Енниоль делает в доме Жаймиоля, стоящего в гоганской иерархии на несколько ступеней ниже достославного из достославных?!³ Что здесь делают они с Альдо?!

— Моя радость безмерна. — Енниоль говорил негромко и четко. Так говорят люди, привыкшие к безоговорочному повиновению. — Да расточатся горести наших гостей и приумножатся их радости. Низжайше прошу блистательных и великолепных присоединиться к нашей трапезе. Лишь удовлетворив тело, можно подняться к высотам мысли.

Светочи эсператизма утверждали, что, умерщвляя плоть, люди укрепляют дух и радуют Создателя, но изголодавшийся Эпинэ был полностью согласен с гоганом. Увы, накинуться на еду, не узнав главного, было невозможно. Иноходец собрал волю в кулак и постарался не смотреть на лучший из столов Агариса.

— Благодарю достославного Енниоля и его соплеменников за любезное приглашение, — принц придерживался тех же взглядов, что и его маршал, — но мы хотим знать, чем изгнанники могут быть полезны вашей общине.

— Я слышу то, что ожидал услышать, — все так же негромко произнес Енниоль. — Могут ли изгнанники быть полезны правнукам Кабиоха и могут ли правнуки Кабиоховы облегчить участь изгнанников? Если блистательные согласны, мы узнаем ответ до конца этой ночи, но я — старый человек

¹ Магнус — титул главы одного из семи основных эсператистских орденов.

² Обращение к уважаемому гогану.

³ Открытый (в отличие от тайного) титул старейшины гоганов.

и не привык смотреть на юность снизу вверх. Прошу гостей этого дома опуститься в кресла и отведать четыре раза по четыре блюда, дабы показать, что они доверяют хозяину. Люди Чести чтят свои обычаи, мы, правнуки Кабиоховы, — свои, и в этом — наша сила и наше спасение.

Хозяевам Робер не доверял. Да и кто, находясь в здравом уме, станет доверять гоганам, но почему бы и не поесть, если предлагают? Самолично встав у жаровен, Жаймиоль доказал свое право называться лучшим поваром Агариса. Конечно, общество достославных наслаждение несколько портило, да и выказывать застарелый голод не хотелось, но Эпинэ и Ракан должное угощению отдали. Енниоль рассказывал о достоинствах предлагаемых яств, Альдо время от времени отвечал, остальные молчали.

Трапеза закончилась уже знакомыми чашами для омовения рук. Слуги вынесли кушанья и зажгли неизбежные курильницы. Робер Эпинэ видел напряженное лицо своего сюзерена — Альдо понимал, что они вступают на шаткую лестницу, которая может вести как в Рассвет, так и в Закат.

— Прежде чем предложить блистательным то, что мы хотим предложить, — начал достославный, — я хочу спросить: что знает великолепный Альдо о нашей вере и о прошлом своего дома?

— Почти ничего, — признался великолепный Ракан. — Вы не любите быть на виду, а я, правду сказать, в эсператизме не силен. Клирики болтают — надеюсь, достославный меня простит, — что вы молитесь демонам, которых изгнал Создатель.

— Слова блистательного не оскорбление, — негромко проговорил Енниоль. — Так думают многие, и мы, правнуки Кабиоховы, не спешим развеять мрак, в коем блуждают непосвященные. Те, кто забыл родство свое, недостойны его. Только мы храним в памяти то, что храним, и, когда солнце взойдет на западе, станем теми, кем станем. Это обо всех, теперь о блистательном. Альдо из дома Раканов принадлежит к избранному роду, и мы откроем ему истину.

Робер Эпинэ стиснул зубы — проповедь после обеда, что может быть гаже, но проклятый гоган не перейдет к делу,

Красное на красном

пока не нагородит сорок ведер вяленых кобелей. Придется слушать. Иноходец украдкой глянул на Альдо — в глазах принца пряталась обреченность, но на лице был написан вежливый интерес — от природы порывистый, чтобы не сказать неистовый, Ракан выучился держать себя в руках еще в детстве. Изгнание и бедность — хорошие наставники, даже слишком хорошие.

— Я не стану перечислять все колена Кабиоховы, — похоже, Енниоль понимал, какому испытанию подвергает своих гостей, — и не стану призывать блистательных принять нашу веру. Быть может, потом гостям нашим откроется истина, и они сделают шаг от величия земного к величию горнему. Пока я скажу лишь то, что скажу. Мы, как и вы, верим, что мир сей создан в шестнадцать дней и создавший его, имя коему Кабиох, ушел по звездной Нити, но далее наше знание и ваши заблуждения расходятся, как расходится торная дорога и след ослепшего осла.

Достославный остановился и пристально посмотрел на гостей, видимо, ожидая, что они с Альдо возмутятся, но принц смолчал, а маршал тем более. Робер Эпинэ слишком горячо ненавидел пареную морковь и постные рожки, чтобы вступаться за эсператистов, родившемуся в Агарисе Альдо благодетели насолили еще сильнее. Эпинэ показалось, что Енниоль подавил улыбку.

— Не хочу злоупотреблять вниманием блистательных. Вам говорят, что мир наш некогда захватили четверо демонов, правивших семь тысяч лет и изгнанных вернувшимся Создателем, только Создатель превыше всех в мудрости, силе и благодати. Все идет по воле Его, мог ли Он уйти, покинув сотворенное на произвол судеб? Могли ли демоны осмелеть настолько, чтобы протянуть руки к принадлежащему Ему и преуспеть?

Вопросы ответов не требовали, но Роберу внезапно стало интересно. В самом деле, если Создателю известно будущее, как вещают клирики, значит, про демонов он тоже знал? Знал и не предотвратил?

— Вижу в глазах блистательного тень сомнений, и да превратится она в свет. Четверо были не демонами, но первыми

Вера Камша

из детей Кабиоховых, сильнейшими, мудрейшими и справедливейшими.

Енниоль замолк, строго и требовательно глядя на Альдо. Ракан вежливо улыбнулся.

— Теперь я знаю смысл вашей веры, но я по-прежнему не...

— Блистательный — последний в роду правителей земных, в чьих жилах течет кровь всех сынов Кабиоховых. Раканы — внуки Кабиоховы, гоганы лишь правнуки. Откажется ли блистательный Альдо от того, что принадлежит ему по праву рождения, в обмен на трон Талига?

Роберу показалось, что он ослышался; Альдо, судя по его лицу, тоже. Для родившегося в Агарисе наследника Раканов талигойский трон был чем-то вроде степного миража, но принц и не пытался за ним бежать. Эгмонт Окделл и дед попробовали власть Оларов на зуб, зуб сломался вместе с шей, и вдруг...

— Первородный удивлен, — произнес с довольным видом старейшина. Говорил он один, остальные лишь согласно наклоняли головы, словно свидетельствуя.

— Признаться, да, — не стал ходить вокруг да около оказавшийся первородным друг. — От чего именно я должен отказаться и каким образом вы можете мне помочь? Ссудить деньгами?

— Золото может многое, но мы сильны не только золотом, но и знаниями, и многим иным, о чем блистательным знать необязательно. Когда Альдо Ракан наденет корону, он вспомнит этот разговор, а он ее наденет, если согласится на обмен.

— Достославный, — изгнанник взглянул в лицо старому гогану, — до сего дня я был далек от вашей веры, но я знаю: вы ничего не даете даром и всегда остаетесь в выгоде.

— Правнуки Кабиоховы желают принять на свои плечи ношу, брошенную нерадивыми, — сверкнул глазами Енниоль. — То, чего мы хотим, отринуто прародителями блистательного много веков назад. Первородный Альдо обретет то, что видит в своих снах, взамен того, о чем сердце его никогда не тосковало. Пусть блистательный поклянется, что, став королем Талига, отдаст возведшим его на трон город, именуе-

Красное на красном

мый Гальтарой, и реликвии, созданные в те поры, когда Раканы не признавали Создателя.

— Гальтару? Но от нее остались только развалины!

— Сын моего отца говорит внуку твоего деда: то, что просим мы, не имеет ценности в глазах забывших родство свое.

— Если мы все забыли и ничего не знаем, зачем вам мой отказ? — Альдо словно прочитал мысли Робера. — За свое золото вы купите и Гальтару, и прочее старье.

— Мы чтим Закон Кабиохов и не хотим уподобляться скупщикам краденого. Лишь законный обладатель прав и имущества может ими распорядиться.

— А если ничего не выйдет? Скинуть Олларов не так-то просто.

— Если ничего не выйдет, значит, правнуки Кабиоховы не исполнили своих обязательств и заплатят неустойку. Каково слово блистательного? Талиг или покой?

Робер смотрел на Альдо, ожидая его решения. С одной стороны, предложение было заманчивым, с другой — оно казалось... слишком уж выгодным, хотя Леворукий разберет этих фанатиков. Может, для них и впрямь нет ничего важнее этого самого первородства и допотопных цацек...

— Я согласен, — раздельно сказал Альдо. — В день моей коронации вы получите Гальтару и все старинные вещи, которые пожелаете.

— Сын отца моего просит первородного подтвердить свое слово в Чертоге Одного и Четверых. И да поведает кровь блистательного о минувшем.

— Но, достославные, я как-никак эсператист.

— Кабиоху и правнукам его важна кровь первородного, но не вера его.

— То есть мне нужно поклясться на крови?

— Таков обычай. Но и правнуки Кабиоховы принесут свою клятву и внесут залог.

— Хорошо, — Альдо поднялся, — пусть будет так, как вам нравится, хотя кровь дворянина дешевле его чести. Мой друг тоже должен клясться?

Вера Камша

— О нет! Пусть блистательный Робер из рода огнеглазого Флоха даст слово молчать об увиденном, этого довольно.

— Я не разбрасываюсь тайнами своего сюзерена, — отрезал Иноходец, ошалевший от новоявленного родства с каким-то Флохом.

— Да проследуют блистательные впереди меня в чертог Кабиохов.

3

Вновь повеяло благовониями, но запах был слабее и не столь резок, как в первом из коридоров. Посредине пресловутого чертога, подтверждая правдивость агарисских воров, тускло мерцала высокая, в человеческий рост, металлическая пирамида. Неужели в самом деле золото?! Или все же позолоченная медь или бронза?

Энниоль поднял руку — один из занавесов раздвинулся, пропуская двух то ли беременных, то ли очень полных молодых женщин, разодетых в разноцветные шелка и увешанных драгоценностями. Толстухи вели под руки третью, невысокую и тоненькую, закутанную в легкое белое покрывало. Равнодушный ко всяческим обрядам, но не к женщинам, Иноходец, стараясь не нарушать приличий, постарался разглядеть вошедших дам. Гоганы прятали своих жен и дочерей от чужих глаз, а тут к блистательным выпустили аж трех.

Говорили, что «куницы» женятся на родственницах, даже на сестрах и дочерях. Говорили, что правнучки Кабиоховы прекрасны, что у них темно-рыжие кудри и белая кожа. Говорили, что гоганы уродуют своих женщин, откармливая их, как гусынь, и вставляя им в нос кольца. Говорили, что гоганские женщины сплошь ведьмы, что отец вправе жить с женами сыновей, а старший брат — с женой младшего, и что иноплеменика, увидевшего гоганни¹ без покрывала, ждет смерть. Сколько в этих слухах чуши, а сколько правды, Эпинэ не знал, но толстухи стали бы настоящими красавицами, догадайся

¹ Гоганни — женщина из племени гоганов.

Красное на красном

кто-нибудь продержат их месяц на пареной морковке. Темно-рыжие и белокожие, с соболиными бровями и крупными чувственными ртами, они могли сойти за сестер, а может, таковыми и были.

Истосковавшийся по женскому обществу Иноходец простил дамам двойные подбородки и тяжелые животы за лучистые светло-карие глаза и яркие губы. Конечно, в талигойских платьях гоганни казались бы бочками, но многослойные переливчатые накидки, из-под которых виднелись изящные ножки в сафьяновых туфельках без каблуков, несколько выправляли положение. Так беременные они все-таки или нет?

— Иноверец не может коснуться ары¹, — пояснил Енниоль, — но залог блистательного примет правнучка Кабиохова, вступающая в пору расцвета и до сего дня не видевшая мужчин, кроме отца своего и старейшего в доме.

Свет стал ярче, по бокам пирамиды замечались жаркие сполохи. Сомнений в том, из чего сделана эта штукавина, больше не было. Золото! Чистейшее золото, не изгаженное никакими примесями. Робер никогда не был корыстным, но при мысли о том, сколько слитков пошло на одну-единственную гоганскую игрушку, становилось страшно.

Толстухи что-то пропели и сняли со своей спутницы белое покрывало. Третья куничка отличалась от сестер или подруг, как породистый жеребенок отличается от дойных коров. Одета в белое девушка казалась совсем юной. Невысокая, чтобы не сказать маленькая, гоганни была темно-рыжей, ее густые, слегка волнистые волосы были собраны на макушке в подобие конского хвоста и все равно достигали колен. Белоснежная кожа, нежный крупный рот, большие глаза, более светлые, чем у соплеменниц, испуганные, но решительные... Сказать, что девушка была красива, значило не сказать ничего. Такую хочется подхватить на руки и унести по заросшему цветам лугу туда, где нет ни боли, ни грязи, ни осени.

— Юная Мэллит, младшая дочь достославного Жаймиоля, донесет слово и кровь первородного до зеркала Кабиохова.

¹ Ара — алтарь (гоган.).

Вера Камша

Альдо грациозно поклонился женщинам. Робер знал своего сюзерена — на Кабиоха ему наплевать, но пролить кровь ради красавицы в белом он готов. И не только он... Увы, Мэллит покинет дом отца ради какого-нибудь менялы или трактирщика. Мужем гоганни может стать лишь гоган, а женой герцога Эпинэ — каменная статуя с длиннющей родословной. Вот уж точно, нет в жизни счастья!

Под восхищенными взглядами чужаков красавица вспыхнула и опустила ресницы. В отличие от своих жирных спутниц юная Мэллит не носила многослойных балахонов, на ней были лишь стянутые у щиколоток белые шароварчики и белая же короткая рубашка, завязанная под грудью. И все. Ни золота, ни драгоценностей, да они бы девушке и не пошли. За чем ландышу золото? Он хорош сам по себе.

Мэллит преклонила колени перед Енниолем, и тот властным жестом взял ее за волосы, приподнимая лицо. Слов, произнесенных достославным, Робер, разумеется, не понял. Старейшина говорил, Мэллит слушала, слегка приоткрыв алые губки. Одна из толстух принесла оправленную в золото створку раковины, другая — стилет с вычурной золотой рукоятью.

— Согласен ли первородный Альдо нанести себе рану этим ножом и позволить юной Мэллит отереть выступившую кровь?

— Ради глаз прелестной Мэллит я готов на все, — галантно ответил сюзерен, но вовремя спохватился и добавил: — Если таков обычай, я согласен. Куда и как колоть?

— Пусть блистательный проследит за сыном моего отца. Да убедится первородный, что клинок чист, и да будет кровь правнучки Кабиоховой нашим залогом, а кровь блистательного Альдо — его.

Робер вздрогнул, когда Енниоль, все еще держа Мэллит за волосы, взял в другую руку стилет и кольнул девушку в ложбинку меж грудями. Брызнула кровь. Алое на белом! Ранка была неглубокой, но крови было много. Гоган положил окровавленный стилет на блюдо-раковину, и Мэллит поднялась с колен, даже не пытаясь унять струящуюся кровь. Приняв раковину и часто моргая, она подошла к Альдо, торопливо рас-